

первая
среди
лучших

Татьяна УСТИНОВА

Серьга
Артемиды

Annotation

Насте семнадцать, она трепетная и требовательная и к тому же будущая актриса, у нее сложные отношения с матерью и окружающим миром. У нее есть мать, из которой, по мнению дочери, ничего не вышло. Есть еще бабушка Марина Тимофеевна, статная красавица, почему-то ненавидящая Настинного покойного отца – гениального писателя! Но почему?.. За что?.. Что за тайны у матери с бабушкой? В одно прекрасное утро на вступительном туре Насти в театральный происходит ужасное – погибает молодая актриса, звезда сериалов. Настя с приятелем Даней становятся практически свидетелями убийства, возможно, им тоже угрожает опасность. Впрочем, опасность угрожает всей семье, состоящей исключительно из женщин!.. Налаженная и привычная жизнь может разрушиться, развалиться на части, которые не соберешь... Все три героини проходят испытания – каждая свои, – раскрывают тайны и по-новому обретают друг друга. На помощь им приходят мужчины – каждой свой, – и непонятно, как они жили друг без друга так долго.

-
- [Татьяна Устинова](#)
 -
 - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
-

Татьяна Устинова

Серьга Артемиды

© Устинова Т.В., 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

...Знаменитая артистка лежала ничком чуть поодаль от березки, почти под перекладиной железной пожарной лестницы. Рука у нее была странно и неестественно вывернута, из сумочки разлетелись какие-то штучки.

Настя стала торопливо фотографировать.

– Прекрати сейчас же.

– Как ты думаешь, зачем она там легла?

– Прекрати.

Тон у него был странный, и тут Настя словно проснулась.

– Что?.. Что-то случилось, да?!

Даня осторожно и медленно, словно чего-то опасаясь, подошел к лежащей, присел на корточки, посмотрел и потрогал ее руку.

– Она... почему она лежит?! – вдруг завизжала Настя и сама себе зажала рот ладонями – так ей вдруг сделалось страшно.

* * *

Утром этого же дня

...Ну вот, опять!.. Начинается! Опять она зовет – что-то ей понадобилось! Ну, невозмо-о-ожно! Ну, невыноси-и-имо!..

– Что еще?!

– Настя, брось телефон и подойди ко мне.

– Заче-е-ем?

Пауза. Словно она там, внизу, оглохла!

– Заче-е-ем, спрашиваю?!

– Зате-е-ем!

...Ни за что не пойду. Вот ни за что! Пусть она хоть сколько там орет. У меня дела, что тут непонятного? Важные, настоящие дела: перепостить кота, такой прикольный, а разослать не успела, отвлеклась на Соню. У кота та-акой бант и спит прям, как человек. А Соню лайкнуть надо? Надо! Она фотки завтрака выложила, все так красиво-красиво, а лайков всего семнадцать, обидится еще. Нельзя, чтоб обиделась, она кул, иногда зовет в свою тусу, а туса у нее что надо. Еще к Марьяне зайти, говорят, она Рустама из друзей удалила, нужно проверить.

– Настя!

– Ба, отстань, я занята.

– Ты ничем не занята. Спускайся немедленно!

...Только-только кота перепостила!..

Настя спешно лайкнула Соню – она кул! – сунула телефон в задний карман джинсов и, выбегая из комнаты, изо всех сил бабахнула дверью – чтоб мало никому не показалось.

Старый дом содрогнулся.

Дом содрогнулся, а *она* – хоть бы хны. Так и стоит возле лестницы, лицо деревянное, спина выпрямлена, руки по швам – истукан!..

– Я занята, на тур сейчас поеду! У меня экзамен! Ты что, не в курсе?! Я готовлюсь!

– Не морочь мне голову, – отрезала бабка-истукан, – ни к каким экзаменам ты не готовишься. И не готовилась!..

– Готовилась! Я готовилась!..

– Возьми лейку и полей гортензию, которая возле крыльца. Мне тяжело.

– Ба, у меня экзамен через три часа!

– А я гортензию только что посадила, – ответствовала бабка, словно какая-то гадкая гортензия имела значение! – Ее нужно полить.

Бормоча себе под нос ругательства, негодуя и злясь, Настя помчалась в прихожую. Когда она пробежала мимо бабки, та ловким движением выхватила у нее из кармана джинсов телефон.

– Ты что-о-о?! – завывала Настя, хватаясь за опустевшую без телефона, словно чужую задницу. – Зач-е-ем?!

Бабушка усмехнулась, вздернула брови и ответила, что при поливе гортензии телефон не требуется.

Настя слышала, как он, бедный, издает призывные звуки – в чужих руках!.. Он призывал Настю туда, где кипела жизнь, выкладывали фотки, лайкали, постили и перепощивали. Там ждали ее, Настю, там обменивались смешными шутками и важными новостями, в мессенджерах кипели недюжинные страсти, а Настя уже целую минуту... ни при чем. Она не живет уже целую минуту!

И потом. Она хорошо знает свою бабушку!.. Та вполне может отобрать телефон до вечера, раз уж она его добыла!..

– Ба, – заговорила Настя плачущим голосом. Нужно как-то разжалобить противника, но разве *такую* разжалобишь! – Я полью эти твои гладиолусы и еще чего-нибудь полью, но телефон мне нужен, понимаешь?.. Он мне для института нужен! Вдруг там что-то произойдет, а я даже не узнаю!

– Например, что? Произойдет? – осведомилась безжалостная бабка.

– Я не знаю! Отменяют или перенесут! Или вообще!..

– Вообще ты сейчас польешь гортензию, потом выпьешь чаю с бутербродом и поедешь в институт.

– Без телефона?!

Бабушка засмеялась – ух, как Настя ее в этот момент ненавидела! – и ушла.

Роняя вещи и пиная все, что попадалось на пути, Настя напялила раздолбанные зеленые галоши – их она тоже ненавидела изо всех сил – и выкатилась на улицу.

– Я актриса! – заорала она во все горло в сторону окон, за которыми, по ее мнению, притаилась бабка. – Я не стану поливать ваши долбаные цветы и носить ваши сраные галоши!.. Я уеду, уеду!.. И вы меня не заставляйте!.. Я поступлю и перееду в общагу!.. И слова тебе больше не скажу! Никогда!.. И ты пожалеешь!

– Настя, лей под корень, – мирным голосом сказала бабка у нее за плечом. – Ты больше проливаешь.

Оказывается, змея не гнездилась в доме, а выползла через заднюю дверь и подкралась.

Настя вылила воду из старой-престарой садовой лейки и ринулась к кадушке зачерпнуть еще.

– Я стану знаменитой на весь мир! – говорила она страстно. – Я буду сниматься у самых великих режиссеров. И вы узнаете!.. Вы пожалеете все, все!.. А ваши гортензии пусть лучше подохнут!..

– В котором часу у тебя испытание? – как ни в чем не бывало осведомилась бабушка, когда внучка подволокла лейку.

– Я не знаю! – заорала Настя. Толстая струя воды выхлестнулась из рыхлой земли и залила галоши верхом. И на джинсы попало! – Ты телефон отобрала! И это не испытание! Это тур! Приемный ту-ур! Ты что, не понимаешь?!

– Я не понимаю, как связаны телефон и время испытания, – сказала бабушка. – Нужно еще одну лейку. Или время назначает сам телефон?

– Время назначает приемная комиссия, чтоб ты знала, дорогая бабуля! – Настя долила воду и вновь помчалась к кадушке. – Но его могут перенести! Ты понимаешь? Пе-ре-нес-ти! А я не узнаю!..

– Если время перенесут, повесят объявление. Ты явишься в институт и все узнаешь.

– Бабушка, сейчас так никто не делает! Не де-ла-ет ник-то! Все узнают новости в инете!..

– Бог в помощь, – ответствовала бабушка, не дрогнув. – Поставь лейку под навес, прими душ, переоденься и за стол. У тебя мало времени. Разумеется, я в маразме, но время испытаний помню без всякого телефона. Оно назначено на три.

После чего змея уползла в дом.

Настя проводила ее ненавидящими глазами.

...Они ничего не понимают, ни бабка, ни мать! Ничегошеньки!.. Конечно, они совсем старые – матери в этом году стукнуло сорок, рехнуться можно, а бабке вообще никто не знает сколько, может, даже шестьдесят. Но и у старых куриц должны быть какие-то мозги в голове! Настя будет актрисой, она так решила давным-давно, лет в пятнадцать! Это ее призвание, ее выбор! Она творческий человек – в детском саду рисовала прилично, у матери сохранились альбомы с домиками и снеговиками. На всех утренниках была то Снегурочкой, то Весной, то Принцессой. И еще у нее голос, она поет! И делает красивые прически! Однажды матери сделала причесон на какой-то скучный корпоратив, так мать потом говорила, что все спрашивали, в какой парикмахерской она побывала! Настя будет актрисой, поступит в

театральный и станет сниматься в кино. Бабка язвительно возражала, что в кино готовят в кинематографическом, а не в театральном, но какая разница! Вот какая?! Если ничего не понимаешь, молчи лучше! Настя в инете изучила блоги великих актрис, и они все закончили театральный!.. И Светлана Дольчикова, и Эльгиза Тухерова, и Аня Весовская! Впрочем, что Дольчикова и Тухерова! Настя непременно будет сниматься в Голливуде, в «Игре престолов»! То, что показали якобы последний сезон – это все глупости! Институт пролетит быстро, подумаешь, четыре года, и она сразу же начнет сниматься. «Игра престолов» – гениальное кино, гениальное, его создатели еще сто раз передумают и продолжат снимать, а Софи Тернер и Мэйсон Уильямс к тому времени совсем постареют, им будет к тридцати.

...Какой ужас – тридцать лет!..

Надо же, бабка телефон отобрала! Он нужен как воздух, этот телефон!.. Вот что сейчас обсуждают в группе «Мы звезды»?! Настю на предыдущем прослушивании подписали! В этой группе все самые клевые чуваки с абитуры, и все ненавидят блатных! Ну, тех, о которых известно, что они уже заранее поступили, всякие дочки-сыночки! Настя, разумеется, блатных тоже ненавидела – от зависти. Вот никто, ник-то, ни мать, ни бабка не позаботились о ней, начинающей актрисе, как следует!.. О ней некому хлопотать. Мать нуль, пустое место, торчит в своем учреждении с утра до ночи, да еще работу на дом берет, сидит по вечерам за столом, строчит какие-то отчеты. О бабке и говорить нечего, откуда у нее связи!.. В молодости она работала в Пушкинском музее, Настя в этом самом музее каждый закоулок знает, каждую дверь, каждый пожарный выход! И что толку?! Вот что толку?! Вот как это так, всю жизнь прожить и не нажить никаких, даже вот такусеньких связей! Настя, как только станет сниматься в Голливуде, тотчас же заведет дружбу со всеми знаменитыми блогерами, интернет-журналистами, сетевыми писателями и поэтами!.. Говорят, еще со спортсменами модно дружить, значит, и с ними тоже зафрендится!.. И у нее будет сколько угодно связей!..

В своей комнате, где царил не просто разгром, а сущий хаос, как в магазине китайского секонд-хенда после налета стихии, Настя принялась остервенело раскапывать курганы баракла. Ей нужно выглядеть!.. Вы-глядеть! Она должна понравиться! В группе «Мы звезды» девчонки уделяли внешнему виду особое внимание.

Некоторые говорили, что хорошо бы посерьезнее – очки там, юбка-карандаш, блузка под горло и сумка «Гуччи», с пристрастием выбранная на рынке «Садовод». Другие активно возражали – смотрят не на очки и сумку, а на красоту! Кра-со-ту! Что в первую очередь требуется от актрисы? Правильно, чтоб была красивой!..

Настя решила быть красивой – ультракороткая юбчонка, полосатые гольфы, топик, чтоб пупок чуть приоткрыт и чтоб с одного плеча спадала бретелька. Туфли, туфли... какие же сюда туфли? Хорошо бы лакированные, открытые – так сейчас носят, так модно, открытые туфли на носки! Но таких туфель не было, что там мать зарабатывает, одни слезы, не допросишься ничего – Настя обвела глазами курганы одежды, – значит, кеды. Да, пусть будут кеды.

Почти постанывая от жгучего, злобного нетерпения – хоть бы скорей вернуть телефон, хоть бы скорей! – она сделала контуринг, навела брови, нарисовала стрелки. Настя была счастливой обладательницей палетки «от Кайли» – отдала за нее все накопленные деньги!..

Волосы она подвила еще с утра и специальным образом спрятала под косынку – нужно просто тряхнуть головой, и они рассыплются локонами.

– Настя, тебе пора, – объявила бабка.

– У меня нет телефона, я не знаю, сколько времени! – проорала внучка в ответ.

– Около двенадцати, – проинформировала бабка. – И следует говорить не «сколько времени», а «который час», ты прекрасно это знаешь. Спускайся.

Когда Настя сбежала с лестницы, стол был уже накрыт – что-то такое в тарелке и что-то в кружке. Бабка-змея в кресле шуршала газетой. Поглядите на нее! Она до сих пор газеты читает, как... как первобытный рептилоид!..

Завидев внучку, бабка несколько изменилась в лице и отложила газету.

– Что?! – рывкнула Настя. – Что ты на меня уставилась?! Где мой телефон?! И есть это я не буду! Это люди не едят, известно тебе? Дай мне тысячу, я куплю в «Грядке» киноа и фраппе на миндальном! И поем как человек!

– Зеленые щи и морс, – парировала бабка. – Пока не съешь, никаких телефонов.

– Я не стану это есть!..

– Не ешь, – легко согласилась бабка. – Тогда удачи тебе на испытаниях, внучка. Электричка через сорок минут, ты успеваешь с запасом.

– Отдай телефон! Сейчас же!..

– Щи и морс.

– Нет!

– Тогда удачи.

...Плакать нельзя. Никак нельзя плакать! Глаза потекут, контуринг поплывет. Господи, что ей, молодой актрисе, приходится выносить, какие претерпевать страдания! И перед самым ответственным в ее жизни событием!..

...Впрочем, где-то, то ли как раз у Дольчиковой, то ли у Тухеровой был пост про страдания. Это, мол, полезно для карьеры. Чего-то там потом с ними нужно делать, со страданиями, как-то перерабатывать, что ли, и из этого выходит что-то, режиссерам нравится.

Глубоко и сильно дыша от ненависти и страданий, Настя уселась за стол и принялась за щи.

Страдания переработались очень быстро! Щавелевые щи с ломтиком яйца, изрядным куском разварного мяса, с молодой картошкой и сладкой ватрушкой вприкуску – бабушка всегда подавала сладкие ватрушки к щавелевым щам – будущая актриса любила с самого детства. Разлюбила только недавно, когда выяснилось, что щи, да еще с мясом, запрещены, а уж ватрушки! Кто-нибудь знает, сколько в них глютена?! И тесто бабка ставит на самом примитивном коровьем молоке, не на миндальном или кокосовом!

Настя умяла вторую ватрушку, доела щи и залпом выпила морс.

– Ну вот, я съела. Где телефон?..

– Позвони, как освободишься, – велела бабка. – До ночи нигде не болтайся. Как только тебя... В общем, сразу езжай домой.

Настя исподлобья смотрела на нее. Все ясно! Старуха не верит в ее, Настин, успех. Она заранее знает, что не будет никакого успеха, а будет провал.

...Вот вы все посмотрите! Вы узнаете! Вы не верите, вы надо мной издеваетесь, телефоны отбираете, а я вам всем докажу! Я стану

знаменитой и в вашу сторону вообще больше ни разу не посмотрю!..

– Телефон у тебя в рюкзаке, – как ни в чем не бывало продолжала бабка. – И мой тебе совет, Настюша...

– Не нужно мне советов, – пробормотала внучка. Она рылась в рюкзаке, сердце у нее дрожало, она чувствовала, что телефон где-то рядом.

– Постарайся, – сказала бабушка. – Вот просто постарайся. Со стороны всегда видно, когда человек старается.

Настя прижала телефон к груди. Господи, сколько там всего неотвеченного, непросмотренного, неохваченного – жизнь, целая жизнь мимо прошла!

– Чем советы идиотские давать, помогла бы лучше. – Настя зашнуровала кед, перекинула локоны на другую сторону и принялась за второй. – Мы как в пустыне живем, ни связей, ни знакомств, ни-че-го!.. Если б хоть кто-нибудь за меня попросил! Кто-нибудь!

– В актрисы не идут по звонку.

– Ты знаешь, какой в этом году конкурс?! Или мать, может, знает?! Восемьсот человек на место! Почти тыща!..

Бабушка помолчала.

– Будем надеяться, из них выберут самых достойных.

Настя хотела заорать и затопать ногами, но бабушка легонько подтолкнула ее в спину и незаметно перекрестила.

– Не задерживайся, – напоследок сказала она в спину внучке, когда та уже мчалась по дорожке.

– Да ладно! – крикнула будущая актриса, не оборачиваясь.

Она на ходу смотрела в телефон, торопливо листала сообщения, захлебываясь от нетерпения.

– Беда, – констатировала бабушка.

* * *

В Настиной «десятке» в основном все были... топ. «Луки» котировались по-нормальному. Настя незаметно оглядела себя – все круто, пипец!.. Правда ее немного расстроило, что среди девиц оказалась ну очень похожая, прям сестра-близнец. Но та была как раз в

лаковых красных туфлях. Может, и хорошо, что мать-нищенка Насте таких в свое время не купила?..

В аудиторию запускали сразу всю «десятку», на середину паркета вызывали по фамилии, слушали плохо. Особенно один, громадный, как лесничий Хагрид, весь заросший кудрявым волосом, – вот кого Настя сразу невзлюбила!.. Он мешал всей приемной комиссии, чего-то все копался в своем телефоне, беззвучно хохотал, разевая белозубую пасть, совал телефон за спинами, и экзаменаторы оглядывались, передавали, смеялись, – вот зачем ему в таком ответственном деле, на приемных турах, телефон?!

Когда очередь дошла до Насти, стало ужасно... неловко и страшно. Куда-то делась вся уверенность в себе. Зачем-то она стала одергивать юбочку, хотя ноги у нее сногшибательные, это точно, поправлять бретельку, задуманную неспроста, подпихивать под лифчик, чтоб не сваливалась, и сексуальный топик задирался на животе, а живот у нее – слабое место. Кубиков мало.

Волосатый и зубастый равнодушно сказал:

– Представьтесь, пожалуйста, – и не поднял от телефона глаз.

Будущая звезда пролепетала, что звать ее Настя, фамилия Морозова, родилась и выросла в Москве, в этом году заканчивает школу – тут она забыла номер школы. Умеет петь и танцевать – зачем ляпнула, дура, сейчас закатают на какое-нибудь эстрадное отделение?!

– Так, может, пусть сразу спляшет? – оживился волосатый, не отрываясь от телефона.

– Секундочку, Игорь Маркович, – перебила строгая дама в очках, по слухам, в прошлом великая актриса, а сейчас гениальный педагог. – Девушка явно готовилась. Это видно невооруженным глазом. Начинайте, девушка.

У Насти готов был Бродский, про «скобки года», басня «Лиса и Бобер» и монолог этой дуры Наташи Ростовской, которая хотела полететь с балкона.

Прервали ее почти сразу, на Бродском.

– Достаточно, – объявил волосатый и мельком на нее глянул. – Все, все, вы свободны.

– Да, но у меня еще эта... как ее... Наташа... и бобер потом...

– Списки смотрите, – велел волосатый. – Будут списки, там смотрите!.. Давайте следующего!

Тут произошло неожиданное: он вдруг высоко подкинул телефон, поймал, ловко сунул в карман – кажется, прямо карманом поймал! – поднялся, раскинув руки, и пошел на Настю с воплем:

– А-а-а!.. А-га-га-а-а!..

Настя в панике скакнула в сторону, как коза.

– Вот кого я ждал! Вот ради кого мучения принимал нечеловеческие! А она! Вечно опаздывает, Лиса Патрикеевна!..

И набросился с объятиями на тоненькую и хорошенькую девушку, как-то незаметно проскользнувшую в экзаменационный класс и оказавшуюся как раз за спиной у Насти.

Хорошенькая и тоненькая засмеялась неожиданно низким смехом, почти басом, и вдруг... Настя ее узнала. Все ее узнали.

Знаменитая артистка Светлана Дольчикова, в кино высоченная, гладкая, длинноногая, на самом деле оказалась маленькой и очень худой девушкой – локоть, на котором висела сумочка, выпирал, как шило из мешка!.. Лицо очень бледное, прямо белое, может, от того, что не покрашенное совсем?.. Следом за ней вошел крепкий мужик средних лет, наоборот, очень загорелый, прямо индеец из фильма про детей капитана Гранта!.. Насте в детстве страшно нравилось это кино!

– Иди, иди! – Волосатый и огромный подтолкнул знаменитую Дольчикову к столу приемной комиссии. – Посиди за меня!.. Посмотри, какая талантливая молодежь к нам в этом году ломится!.. Давай-давай!.. А мы вот с Александром Наумовичем поговорим пока!.. А, Наумыч?..

Хм, не очень-то он с ней почтителен!.. А это же сама Дольчикова! Такая знаменитость! Из самого что ни на есть первого ряда, все ее снимают, ну, вот – все!..

Настя еще сильнее невзлюбила волосатого, о чем и сообщила в коридоре какому-то претенденту на актерскую долю, торчавшему под самой дверью класса.

– Ты че, не в себе? – обидно спросил претендент. – Это ж сам Серебрянский, ректор. Он на прослушиваниях никогда не бывает, вообще непонятно, почему сегодня приехал!..

– Подумаешь, ректор! – фыркнула перепуганная насмерть Настя. Сам ректор не стал ее слушать, вот ужас-то! – Ты видел Дольчикову? Вот это – да-а-а!..

– Че да-то? – перебил претендент, вытягивая шею и пытаясь расслышать, что происходит в классе. Там кто-то что-то громко говорил, довольно давно, его не перебивали, надо же. – Просто артистка, таких до мамы!..

– До мамы?! – взвилась Настя. – Ну, ты дурак совсем!..

Претендент махнул на нее рукой.

...В просторном коридоре клубилась и гудела толпа. Носились озабоченные молодые люди с какими-то бумажками. Абитуриенты сидели на полу и подоконниках, один пристроился на край керамической кадки, из которой торчала тщедушная пальма. Некоторые что-то шептали, закатив глаза, другие нервно хохотали, три девицы в углу обсуждали нечто явно секретное, потому что говорили друг другу на ухо – во всем этом гудеже! – то и дело заговорщицки оглядывались по сторонам.

Настя нервно облизала губы, потом вытерла их тыльной стороной ладони. Остался след алой губной помады. Она же собиралась быть на экзамене очень красивой!

...Как это Дольчикова ходит совсем без косметики, лицо словно мукой обсыпано?..

Парень, сидевший на краю кадки, держал на коленях толстую книгу и читал, не поднимая головы, словно там было написано невесть что такое. Настя прошла мимо, пытаясь рассмотреть, что он читает, но не рассмотрела.

...Господи, когда уже будут эти дурацкие списки?!

Она пролиستала в телефоне сообщения – еще утром запостила, что сегодня прослушивание, и все желали ей удачи. Какой удачи, она по коридору слоняется, ее даже слушать не стали, и нет никакой удачи!.. Лайкнула Соню – она кул. Соня выложила фотки с «позднего завтрака» где-то на Патриках, и Настя вдруг остро ее возненавидела. Конечно, легко «поздно завтракать» на Патриках, когда у тебя папаша богатенький и мамаша похожа на Кьяру Ферраньи, крутейшую блогершу!.. И фотки красивенькие выкладывать легко, а вот поди попробуй в театральные поступить, да еще без всякого блата!..

...Парень на кадке почесал голову, от чего сделался необыкновенно лохмат, оторвался на миг от своей книги, обвел взглядом толпу и опять уткнулся. Настя замерла.

Он оказался красивым. Очень. Тонкое лицо, четкие скулы с пролезшей щетиной, длинный нос, очень ему шедший, – если человеку на самом деле может идти его собственный нос!..

Вот кого точно примут! Просто за красоту. Вообще не понадобится басня «Лиса и Бобер».

Настя моментально забыла Соню, Марьяну и Рустама – может, Соня уже зафрендилла его обратно?.. Настя даже об экзамене позабыла и о ректоре, которого возненавидела, – так ей понравился парень.

Она прошла мимо кадки раз, другой. Он больше не поднимал головы, только еще раз почесался, и Настя восхитилась рукой – длинные пальцы, нервная кисть.

Тогда она кинулась и пристроилась рядом, на край. Стало холодно в груди, а щеки, наоборот, загорелись.

Парень взглянул на нее.

– Сесть негде, – залихватским тоном объяснила Настя и подбородком показала на толпу. – Это все потому, что в школу никому не надо аж до одиннадцатого мая, праздники же! Привет!

– Да, многовато людишек, – согласился парень. У него и голос оказался приятным! – Привет!

И вновь принялся за чтение.

Настя заглянула в книгу. Там какой-то Григорий куда-то волок какую-то Аксинью. Вот дикость!..

– Ты что, это читать будешь?!

– А?

– У тебя монолог отсюда?! Ты че, кто это будет слушать?! Они даже стихи не слушают!..

– Кто... не слушает?

– Они, – Настя мотнула головой в сторону экзаменационного класса. – Или ты уже читал?

– «Тихий Дон»? – спросил парень в изумлении. – Конечно, читал. Но сейчас время есть, я перечитываю.

– Твою десятку уже вызывали? Ты к какому мастеру поступаешь?

Парень захлопнул книгу. На обложке было набрано строгими буквами «Тихий Дон».

В школе проходили этот самый «Дон», даже сочинение по нему давали, но ловкая Настя умудрилась написать не читая. Когда ей всякую старинную дребедень читать?!

Настя незаметно выдернула бретельку майки из-под лифчика, чтоб красиво спадала, и втянула живот. От втягивания ее сильно качнуло назад, в кадку, и парень поддержал ее под спину.

Рука у него... боже, какая у него рука!..

– Мастер у меня профессор Якобсон Михаил Григорьевич, – сказал парень. – То есть декан. Я поступил в прошлом году, и не сюда, а в ИСАА.

– Что это такое – иисааа?

– Институт стран Азии и Африки, – объяснил парень обстоятельно. – Не знаешь?..

– Ты что, не поступаешь в театральный?!

– Нет, – он вздохнул. – Я год назад поступил в ИСАА.

– А почему ты тогда... здесь?

– Я с другом хожу. Он один раз уже завалил, боится, что опять завалит. Я для моральной поддержки.

Настя от горя чуть не зарыдала. Он не поступает!.. Он просто так сидит на кадке!.. Она больше никогда, никогда его не увидит!..

– Как тебя зовут? – выговорила она в отчаянии, словно уже прощаясь с ним навсегда.

– Даня, – сказал парень. – Данила Липницкий, а тебя?

– Настя Морозова. А... «Тихий Дон»... интересная книга?..

– Великая, – сказал Данила Липницкий просто. – Папа говорит, таких книг в истории мировой литературы всего несколько.

– А у меня нет папы, – призналась Настя, очень жалея себя. – Умер.

– А у меня мама умерла. Давно, я ее совсем не помню. Папа говорит, она была... прекрасная.

Настя почувствовала себя немного лучше. Оказалось, что они оба почти сироты, у них есть общее!.. Их жизни схожи, а это гораздо круче общего института.

...И все же как жаль, что он не поступает!.. Его бы взяли. Глаза голубые. Прямо по-настоящему голубые глаза, яркие такие. В какую-то Африку он поступил, и Азию еще! Зачем *такому* Африка и Азия?!

– А Дольчикову видел? Дольчикова приехала, сейчас в приемной комиссии сидит! Вот ей бы я почитала! И она бы дослушала!

– Кто такая Дольчикова?..

Настя посмотрела на него и ответила:

– Великая актриса.

– А, – сказал Данила с уважением. – Я, знаешь, в них не очень... разбираюсь. Тебе с Ромкой нужно поговорить, он всех знает! И артистов, и режиссеров! В прошлом году так хотел поступить, и не взяли его, представляешь?.. Папа говорит...

Насте уже немного надоел его папа!..

Мимо прошли тот самый ненавистный ректор и загорелый мужик. Ректор жестикулировал и говорил, мужик слушал, повернув настороженное ухо.

Сквозь толпу протискивалась стремительная девушка в джинсовом комбинезоне, и ректор взревел:

– Мила! Мила!.. – Та оглянулась. – Пойди, Дольчикову вызови! – И загорелому, жалобным тоном: – Сам не пойду, не могу! Я сроду на прослушиваниях не сидел, а тут с самого утра, понимаешь!.. То Онегины, то Марины Цветаевы, но самый цимес – Бродский!.. Помешались они на нем, дебилушки!.. Все до единого читают, как сговорились! А его читать – не таблица умножения, понимаешь! Уметь надо, чувствовать, ну, уж просто понимать на худой конец! А они так шпарят, без всякого разбору!..

– А я Бродского как раз читала, – прошептала Настя убитым голосом.

– Я больше Гумилева люблю, – отозвался Даня бодро. – До десятого класса больше всех любил Маяка, а потом других тоже полюбил. «Павианы рычат среди кустов молочая, перепачкавшись в белом и липком соку. Мчатся всадники, длинные копыта бросая, из винтовок стреляя на полном скаку». Разве плохо?..

– Какие павианы? Какие... всадники?..

– Гумилев. Я его люблю. А ты больше Бродского любишь?

Настя следила за стремительной Милой. Вот она влетела в экзаменационный класс, еще дверь не закрылась за ней, а она уже вылетела, волоча за тоненькую ручку словно слегка упирающуюся Дольчикову.

– Вот, вот она! – зашептала Настя Дане на ухо. – Смотри, смотри!

Тот посмотрел сначала на Настю, а потом в толпу, вовсе в другую сторону.

Бестолковый какой-то.

– Да не туда, а вон куда! Слушай, я у нее автограф возьму! Вот прямо сейчас возьму!..

...И бабке покажу! И пусть знает, с какими знаменитыми людьми ее никчемная внучка встречается, а потом будет работать, играть в одном фильме или спектакле!..

Впрочем, на автограф еще нужно решиться.

Дольчикова разговаривала с ректором и тем, загорелым. Мила нетерпеливо переминалась рядом с ноги на ногу, как видно ректор не отпускал, а ей нужно было бежать.

Наконец разошлись!.. Ректор, протиснувшись сквозь толпу, завел приятеля в дверь с табличкой «Посторонним В», а Дольчикову Мила потащила в другую сторону.

– Пошли! – выдохнула Настя и схватила Даню за руку.

Как бы невзначай. Как бы в поисках поддержки. Ах, какие у него пальцы!.. Так бы и держала, не отпускала...

Даня следом за ней вскочил с кадки, чуть не выронив толстую книгу под названием «Тихий Дон».

– Простите! Простите, пожалуйста!

Дольчикова оглянулась.

– Можно автограф? – глядя очень-очень преданным взглядом очень-очень преданной поклонницы, выпалила Настя. – Я так вас люблю! Во всех картинах! Вы необыкновенная! Особенно в «Романсе о любви»! И в «Диких снегах»!..

Дольчикова молчала, поджав бескровные губы. В душном коридоре повеяло дикими снегами, возможно, даже льдами.

– Ну, пожалуйста! – Настя покраснела. – Просто автограф.

– Свет, я наверх, – сказала торопливая Мила. – Увидимся, да?.. Ты только после к Игорю Марковичу зайти!

– Да я сначала покурю!

Мила махнула рукой и помчалась по лестнице через две ступеньки.

– Романс о любви – звучит как-то глупо, – ни с того ни с сего брякнул Даня. – Нет, просто других не бывает! Не бывает ромansa о... пришельцах или, допустим, о танках.

Знаменитая актриса посмотрела на него, взгляд у нее потеплел.

– Названия фильмам даем не мы, – сказала она низким голосом, почти басом. – Давайте, где расписаться?..

Вытащила у него из-под мышки «Тихий Дон», – Даня проводил книгу глазами, – и шикарно расписалась на титульном листе.

– Это мне! – вскричала Настя. – Спасибо, огромное вам спасибо! А можно еще селфи?

– Нет, – отрезала Дольчикова. – Ни в коем случае.

И энергично ввинтилась в толпу.

– Зачем она книгу подписала? – спросил Даня с досадой. – Она же не Шолохов!..

– Да какая разница, ведь подписала! – простонала Настя, упиваясь автографом и тем, что они вместе рассматривают «Тихий Дон».

М. Шолохов, а чуть пониже, с завитушками и росчерками – Светлана Дольчикова.

– Ты заметил, какие у нее часы?

– Нет, ну она же не Шолохов!..

– Прямо как медальончик на браслете висит! А селфи было бы круто! Хотя она без макияжа страшенькая такая, удивительно даже! – Тут Настя аж задохнулась от огушительного озарения. – Слушай, бежим за ней, может я ее просто сфотографирую тихонько и выложу! И как это я сразу не сообразила!..

– Нет, ну почему в книге?!

Настя искренне не понимала, какая разница, где именно расписалась великая Дольчикова. В книге – прекрасно, отлично, – автограф-то получен, вот он, есть что показать «друзьям» в интернете, есть что сунуть под нос бабке, которая в Настины успехи не верит ни на грош!..

– Бежим, бежим за ней!

Красавец Даня все хныкал над своим томом, а Настя тащила его в ту сторону, куда ушла Дольчикова. В толпе ее не было видно, впрочем вряд ли она стала бы толкаться среди абитуриентов. Должно быть, поднялась на второй этаж.

Но и на втором, и на третьем этажах высоченные старинные двери оказались запертыми – с лестничной площадки деваться некуда. Стало быть, Дольчикова на четвертом!..

– А зачем мы бежим по лестнице? – неожиданно спросил слегка запыхавшийся Данила Липницкий. – Наверху тоже экзамены принимают?..

Но Насте некогда было отвечать на его нелепости!..

Добежав до четвертого, они оказались словно на скале над морем – внизу отдаленно и глухо гудело, а здесь тишина, безлюдье, пылинки, танцующие в солнечном столбе.

...Это все прекрасно, но куда девалась Дольчикова?..

В коридоре никого не было, и дверей никаких не имелось, единственная, словно «бальная», будто из фильмов про эту дуру Наташу Ростову, – резная, с начищенными медными ручками, на стене пыльная табличка «Репетиционный зал». Настя подергала – заперто.

– Вон там, кажется, еще какой-то выход, – сказал Даня.

Настя оглянулась. В противоположном торце коридора тоже были двери, а за ними свет, море света. Настя ринулась и потянула створку, та подалась.

– Тихо! – шепотом приказала Настя и нацелила в проем телефон. – Она там, я чувствую!.. Мы сейчас осторожненько...

– Да что происходит-то?! – с громкой досадой спросил ее спутник, перехватил дверь, дернул и распахнул. Открылся выход на просторный балкон, весь засыпанный окурками. С балюстрады местами поотваливалась штукатурка. Старинная плитка вздыбилась, кое-где ее не было вовсе. В самом углу балкона дрожала листочками молодая березка.

– Никого, – упавшим голосом сказала Настя и опустила телефон. – А куда же она могла?..

И тут они оба ее увидели.

Светлана Дольчикова, знаменитая артистка, лежала ничком чуть поодаль от березки, почти под перекладиной железной пожарной лестницы. Рука у нее была странно и неестественно вывернута, из сумочки разлетелись какие-то штучки.

Настя стала торопливо фотографировать.

– Прекрати сейчас же.

– Как ты думаешь, зачем она там легла?

– Прекрати.

Тон у него был странный, и тут Настя словно проснулась.

– Что?.. Что-то случилось, да?!

Даня Липницкий осторожно и медленно, словно чего-то опасаясь, подошел к лежащей, присел на корточки, посмотрел и потрогал ее руку.

– Она... почему она лежит?! – вдруг завизжала Настя и сама себе зажала рот ладонями – так ей вдруг сделалось страшно.

В детстве, испугавшись чего-нибудь, она кидалась бежать, бежать изо всех сил, зажмурившись и молотя по бокам кулачками, пока не добегала до спасения – матери, бабушки или теплого собачьего бока.

– У нас собака была, – заговорила Настя, вытирая обеими руками губы и трясась, – большая, лохматая. Она везде за мной ходила. Тяпа, ее звали так, Тяпа. И умная!.. Она потом умерла. А... эта... – Настя показала подбородком, – тоже умерла, да?..

– Отойди во-он туда, – сказал Даня Липницкий. – Тяпа – хорошее имя для собаки. Какой она была породы?

– Никакой. У нее не было породы. Она просто с нами жила и была нашей собакой.

Даня поднялся, достал телефон и нажал кнопку.

– Пап, у нас странная история. Я с Ромкой на экзаменах, и кажется... – он вздохнул, – кажется, тут кого-то убили. Только что. Нет, в прямом смысле. Нет, я не перегрелся. Нет, не шутка. Нет, я не спятил. Убили девушку, мы только что видели ее... живой и здоровой. Мы были на первом этаже, а сейчас на четвертом. И она лежит... на балконе. Папа, послушай!..

– Светлана Дольчикова, – пискнула Настя. – Знаменитая артистка!..

– Знаменитая артистка, – повторил за ней Даня. – Я вызываю полицию. Хорошо, понял. Вызываю и жду тебя. Папа, я все понял.

* * *

...Люди в синей форме как-то моментально и непонятно разделили огромную толпу абитуриентов и экзаменаторов на группы и рассадили по разным классам. Настя и Даня оказались вместе с ректором Серебряйским, тем загорелым дядькой, что приехал с несчастной Дольчиковой, Милой и членами приемной комиссии, которые не стали слушать, когда она читала про «скобки года». Настя время от времени вспоминала об этом, как о чем-то пережитом давным-давно, и тогда переставала дрожать мелкой собачьей дрожью.

Потом Даня ей сказал, чтоб не тряслась, и тогда она совсем перестала.

Все молчали и чего-то слово бы ждали. Загорелый дядька хмурился и посматривал на часы, как будто прикидывал, когда закончится некое досадное недоразумение, задержавшее его.

Вдруг дверь распахнулась. Все разом оглянулись. На пороге возник лохматый парень, обвел взглядом сидящих и стоящих и вскричал:

– Игорь Маркович!.. Вы здесь, слава богу!

– Чего тебе, Аллилуев?

– А меня к вам послали! Я и пришел! Говорят, только вы знаете!

– Чего знаю, Аллилуев?

– Да чего дальше делать с засраками! Их опрашивают, отпускают, а никто не уходит. Все ждут. Кто списков, а кто не успел прослушаться, хотят, чтобы новую дату объявили...

– Не части, Аллилуев, и так голова раскалывается! Сейчас я...
Пойдемте, что ли, Мария Григорьевна.

Та самая женщина из приемной комиссии, по слухам, гениальный педагог, махнула рукой:

– Ступайте без меня, Игорь Маркович. Все равно мы сейчас ничего не решим!..

– Засраки? – тихонько возмутилась Настя. Неприличное слово отвлекло ее от ужасных переживаний. – Это он про нас, про поступающих?! Да как он смеет!..

Даня Липницкий сбоку взглянул на нее.

– Вообще это очень старая шутка. Засрак – заслуженный работник культуры. В Советском Союзе давали такое звание, оно считалось почетным, но не очень. Сокращение, понимаешь?.. Этот тип так называет абитуриентов, шутит.

Тут Настя разобиделась. Почему он с ней разговаривает, словно она малоумная?..

– А чего мы ждем, я не понимаю? – с ходу заговорил кто-то, как только за ректором закрылась дверь. – И сколько еще ждать?!

– Ждем следственных действий, насколько я понимаю, – ответила гениальная Мария Григорьевна с некоторым сарказмом. – А уж дождемся ли и когда, одному богу ведомо.

– Действий! Какие действия, когда в этих стенах, в этих...

– Священных, – подсказала Мария Григорьевна.

– Вот именно! Где бывал сам Вахтангов! И убийство!..

Тут заговорили все разом, словно им разрешили:

– А я давно выносила на собрание, что выход на пожарную лестницу нужно заделать! Она же с пожарной лестницы упала!

– Да с чего вы взяли!

– А там больше падать неоткуда!

– Светочка и не упала, ее убили, зарезали!.. Вон дети ее нашли зарезанную!

Все головы до единой как по команде повернулись к Насте и Дане.

– Здравсти, – пролепетала Настя и сделалась пунцовой.

– Так Светочка зарезанная была или нет?!

– Видите ли, – начал Даня Липницкий обстоятельно, но договорить не успел.

– Кто тут Морозова? Есть Морозова?

– Это я! – крикнула Настя. – Я!..

– Пойдемте со мной.

Настя кинулась за человеком в форме, даже не оглянувшись на своего сегодняшнего друга. Он ведь и правда как будто друг! Без него она бы пропала, совсем пропала во всей этой... жути!

...Про жуть молодые актрисы тоже писали в своих блогах, и Дольчикова писала. «Красиво до жути, до одури» – так она описывала съемки в каком-то польском городе, то ли в Кракове, то ли в Варшаве. И еще – мистически. «Мистически прекрасное место!»

И вдруг Насте стало так ее жалко, так жалко! Она заплакала бы, но тут из-за синей форменной спины полицейского посреди совершенно пустого и от этой пустоты странного коридора увидела... собственную мать!..

...Она-то что тут делает?!

Мать бросилась к ней, словно сто лет не видела, хотя расстались они утром и не самым лучшим образом: Настя требовала денег, а мать дала жалкую тыщу и клялась, что больше нету!..

Мать бросилась, обняла, прижала к себе, стала осыпать поцелуями – ну точно как в программе, где одни идиоты ищут других идиотов и делают точно так же, если находят!

– Настя, господи!.. Ты как?! Что случилось?! Почему ты мне сразу не позвонила?!

– Мама, отстань от меня! Зачем ты приехала?!

– Но ты... ничего? – Мать взгляделась в нее, опять обняла и прижала – разбирает ее! – Как ты все это пережила?!

– Мам, езжай домой, а? – прошипела Настя. – Тут серьезные дела, ты что, не понимаешь?..

– Вот именно, что серьезные, – подтвердил высокий мужик, очень красивый, хоть и старый. Настя неожиданно на него засмотрелась. На кого-то он был похож из артистов, непонятно на кого.

– Если понадобится моя помощь, всегда готов, – продолжал мужик, обращаясь к Настинной матери. – Мой тоже где-то здесь.

– Липницкий там, – человек в форме показал на экзаменационный класс. – Морозовы, за мной пройдемте!

...Так вот на кого он похож, красавец-то! На Даню!.. Должно быть, это и есть тот самый папа!

– Пройдемте, пройдемте!..

Мать держала Настю, как маленькую, и та даже вырвать руку не успела – все оглядывалась на красавца.

В кабинете с надписью «Посторонним В» сидели и стояли какие-то люди, в том числе и ректор Серебрянский.

– Ну вот, – сказал он, завидев Настю. – Они и нашли с тем мальчишкой.

Другой человек в форме, что-то писавший на разлинованной бумаге, мельком взглянул, задержал взгляд, словно оценил Настю с головы до ног.

Ей стало не по себе. И эта дурацкая лямка все время сваливалась с плеча!.. Да еще живот голый...

– Вы что? – спросил человек обидно. – С пляжа, что ли?..

Настя оглянулась на мать. Та кивнула успокаивающе.

– Почему... с пляжа? – проямлила Настя. – Я в институт поступаю... в этот...

– Ты гляди! – удивился писавший. – Ну, присаживайся, присаживайся!.. Паспорт давай, поступающая! И вы, мамаша! Вы же мамаша, да?

Мать протянула паспорт, словно он был у нее заранее заготовлен, а Настин куда-то запропастился. Она рылась в рюкзаке, встряхивала, переваливала на коленках, вынимала, засовывала обратно – нет паспорта, и все тут!..

– Украли? – спросил облаченный в форму.

– Настя, дай мне рюкзак, я найду, – тихонько велела мать.

Настя сунула ей рюкзак, и – о чудо! – паспорт моментально нашелся.

...Мистически, сказала бы Светлана Дольчикова, которую убили на балконе.

– Зовут меня товарищ майор Мишаков, – представился офицер и вздохнул. – Я буду вести дело погибшей Дольчиковой. Все показания записываются по всей форме, так что не врать и не выдумывать чего не было!

– Не собираюсь я выдумывать, – пробормотала Настя.

– Ты несовершеннолетняя, – тут товарищ майор Мишаков заглянул в Настин паспорт, словно сверяясь, – так что только в присутствии родителей. Мать у нас в наличии.

Он выпростал из пухлой папки несколько дополнительных разлинованных листов, вздохнул еще горше и сказал Насте:

– Излагай.

– Ну, мы пошли по лестнице, – начала Настя, – потому что она в ту сторону ушла, а никого не было, понимаете?.. И двери закрыты. Я хотела селфи сделать, а она, такая, – ни за что. Ну, не покрашенная совсем, прямо белая, ужас. Я и подумала, сфоткаю потихоньку и выложу! А Даня все про книжку свою ныл, потому что она в книге расписалась, а он, такой, она же не Шолохов!.. А на четвертом этаже оказалось открыто, и мы вошли...

– Настя, – перебила мать осторожно. – Ты рассказывай, пожалуйста, связно.

– Мама, отстань от меня!..

– Стало быть, – вступил товарищ майор Мишаков, – вы с Липницким отправились за Дольчиковой, чтобы ее сфотографировать, дошли до четвертого этажа, вышли на балкон и... потом чего было?

– Вот видишь, человеку понятно. Это тебе никогда ничего не понятно! – Запальчиво сказала Настя матери, и тут майор Мишаков улыбнулся. Улыбнулся он именно матери – как-то особенно, по-дружески, словно давно и хорошо ее знал. Мать улыбнулась в ответ, и майор кивнул.

– Ничего, ничего, – сказал он, опять обращаясь именно к матери, – обойдется.

Настя не поняла, о чем он говорит, и оскорбилась – как он смеет улыбаться! Человека убили, знаменитую актрису, а он!.. Да еще это «обойдется»!

– Ты на часы не посмотрела? – спросил майор у Насти. – Когда на балкон вышла?

У Насти вдруг что-то словно сдвинулось в голове, она *вспомнила!*

– Часы, – выговорила Настя и с ужасом посмотрела на мать. – Часы пропали. У нее были часы, такие странные, в виде медальончика на браслете, а потом они пропали!.. Когда мы к ней подошли... ну... когда на балконе... часов на ней не было, я точно помню!..

Товарищ майор некоторое время недоверчиво смотрел на Настю, а потом зычным голосом повелел куда-то в сторону:

– Павлуш, сходи, глянь, на потерпевшей часы в наличии?

– Да нет, – зачастила Настя. – Точно нет! Сначала она была в часах, такие, знаете, на медальончик похожи, он на браслете висит, я даже удивилась, я таких не видела никогда, а потом, когда мы ее нашли...

– Павлуша! – вслед уходящему крикнул майор Мишаков. – Еще в окрестностях пошукай, может, свалились. И вниз отправь кого-нибудь, чтоб в травке пошарили. Слышь, Павлуш?! – И снова Насте: – А сами вы, стало быть, с тела ничего не брали?

– Да вы что!..

– В вещах не копались? Кошелек, карточки, всяко-разно...

– Мама! Что он говорит?!

– Настя, тише, это такая работа. Тебе задают вопросы, ты обязана на них отвечать. Отвечай.

– Мам, я даже близко не подходила! Даня сказал: стань там и не подходи!

– Молодец какой, – похвалил Даню товарищ майор.

– Мы ничего не брали! – закричала Настя. – Вы что?! Не понимаете?

– На лестнице, на площадках никого не видели?

– Никого мы не видели! Я хотела сфотографироваться и выложить, а она не согласилась селфи со мной сделать, и я решила тихонько!.. Автограф дала, а на селфи не согласилась!..

– И где теперь тот автограф?

– В «Тихом Доне»! Это книжка, Даня читал! А она расписалась! И сразу к лестнице побежала!

– Ты сама видела?

Настя посмотрела на товарища майора.

– Ну, что она к лестнице побежала, потерпевшая? – продолжал тот очень серьезно. – Вроде, в коридоре толпа, не протолкнуться, а она прямо бегом побежала? Ну?.. Чего?..

Настя снова посмотрела на мать. Странная штука – посмотришь, и сразу спокойнее как-то делается.

– Она как будто исчезла, понимаете?.. Я и подумала!.. Светлана Дольчикова среди абитуриентов вряд ли станет... толкаться. Она же великая актриса! Звезда! Думаю, наверняка на второй этаж поднялась! С той стороны только лестница и какие-то подсобки. Мы и пошли наверх. Но везде двери были закрыты!.. Только на четвертом выход на балкон, и оказалось открыто. Ну, мы вышли, а она лежит, понимаете? Прямо под пожарной лестницей, такой железной. Там рядом еще березка...

Майор Мишаков фыркнул:

– Курят они там, видите ли! Студенты эти театральные! Балкона им мало, непременно на пожарную лестницу лезть!.. Вот все лезут, падают и шею ломают, а товарищ майор давай разбирайся!

Мишаков дописал, поднял глаза и вздохнул:

– Еще Липницкий на мою голову, все одно к одному. Хоть бы Сидоров какой или Пахомов, так нет! Липницкий! – и снова принялся убористо писать.

Настя бурно заговорила, что Даня тут совсем ни при чем, что они все время были вместе, что это она его потащила за Дольчиковой, что он даже автограф не хотел брать, а потом страдал над «Тихим Доном».

Майор строчил свои бумаги, и видно было, что Настю он не слушает.

– Ну чего, Павлуш?..

Молодой человек наклонился к майорскому уху, зашептал, округляя глаза, и майор махнул:

– Пусть еще поищут. Внизу, сказал же!.. Чего там, кусты-растения? Пусть в кустах пошарят, мать их за ногу!.. Куда могли деваться часы эти гребаные?

– Слушайте, наверняка ее из-за часов убили! – выпалила Настя. – Точно! Ведь если они были, а потом пропали, значит...

– Мамаша, вот здесь подпишите, – перебил майор Мишаков. – И еще вот тут и там. Ну, где галочки. А ты особенно не возбуждайся, девушка. Мало ли, может, и не убивал никто, может у нее... того... сердечный приступ, как в сериале. В сериалах у всех сердечный приступ обязательно бывает... рано или поздно... поздно или рано.

– Да не было у нее никакого сердечного приступа!..

– Товарищ майор, там Липницкий... нервничает слегонца.

– Так с ними полковник Левашов!..

– Протокола – то все у вас.

– Щас, щас подойду!.. И ты расписывайся, девушка, вот здесь. Если чего, вызовем. Явитесь тогда.

Настя еще выводила на бумаге свою подпись – у нее была очень красивая и трудная подпись, она много времени и бумаги извела, тренируясь. У настоящей большой актрисы должна быть настоящая подпись! Настя еще выводила, а мать уже тянула ее за руку, а майор в свою сторону тащил исписанную бумагу.

Вечно так!..

– Мама, езжай домой, – деловито заговорила Настя, как только они оказались в пустом, гулком и солнечном коридоре. – Мне тут надо... короче, я должна с одним человеком... И вообще! Зачем ты приехала?! Деваться от вас с бабкой некуда!..

– Граждане, проходим, не задерживаемся, – скучным голосом выговорил лопухий сержантик. Он рассматривал табличку «Посторонним В». – Вы опрошенные?

– Опрошенные, опрошенные, – быстро ответила мать.

– Стало быть, до свидания!.. На улицу проходим!.. И сразу по домам, не толпимся.

Мать твердо взяла Настю за руку и сказала тоже неожиданно твердо, прямо отчеканила:

– Мы уезжаем. – Она почти никогда не говорила так с дочерью!.. – Мы здесь не нужны. Если мы понадобится...

– Да-а-а, понадобится, – протянула Настя. Мать волокла ее в сторону выхода, как норовистую козу. Коза упиралась изо всех сил. – Мать, ты че? Не догоняешь?! Мне еще с одним человеком нужно увидаться!..

Мать выволокла дочь на крыльцо, где оказалось полно народу – весь двор, вся улица были заполнены людьми, солнцем и почти невидимыми в весеннем солнечном торжестве всполохами полицейских мигалок, – напялила солнцезащитные очки, которые всегда носила на лбу вместо обруча, чтоб волосы в глаза не лезли, и сказала... нет, не сказала.

Гораздо хуже!

Мать *приказала*:

– Настя, в машину, быстро!..

Унизительно подталкивая дочь куда-то в область загривка, мать прогнала ее через толпу, дотолкала до машины, они сели и поехали.

Настя впала в такое изумление, что даже не сразу принялась вопить и биться, а решила для начала выяснить, в чем дело.

– Мать, чего происходит-то?! Ты чего... дерешься?!

Мать не отвечала. Пошарив в потрепанной кошелке, которую она почему-то считала дамской сумкой, извлекла телефон, позвонила бабке и сказала, что они едут. Вскоре будут.

– Да не поеду я не дачу, – осторожно начала Настя, – че там сейчас делать-то?! Мне надо... обратно, в институт, новую дату прослушивания должны назначить, Аллилуев приходил, и с ним ректор ушел, а Мария Григорьевна...

– Настя, закрой рот, – опять *приказала* мать. Настя послушно захлопнула, даже зубы лязгнули. – У вас на экзамене погиб человек, актриса. Ты это понимаешь?

– Вау! А ты понимаешь?!

– Если ее убили, дело плохо. Будет расследование. И тебе придется в нем участвовать! Не перебивай меня! – крикнула мать, когда Настя полезла было возражать. – Тебе придется отвечать на вопросы, вспоминать подробности, *доказывать*, что это не вы с тем мальчиком решили весело провести время и зачем-то спихнули Дольчикову с лестницы!..

– Мам, ты что?!

– Я ничего, а вот ты что?! Совсем дура, дочка?! Нечего там тереться, среди поступающих! И не смей ничего выкладывать в интернет! Ни-че-го!

– Это как? – совсем уже потерялась Настя. – А как же я расскажу, что мертвую Дольчикову нашла?

– Никак, – отрезала мать. – Ты никому и ничего не расскажешь.

– То есть всем можно, а мне нельзя?!

– Про «всех» я не знаю. Я не знаю, кто такие «все»! А тебе я запрещаю.

– Ха-ха-ха, – осторожно сказала Настя. – Приветтики-покасики! Ты с ума сошла, что ли?

Мать быстро и твердо на нее взглянула.

– Если я узнаю, что ты хоть что-то выложила в интернет, – вот из того, что сегодня происходило в институте, – я заберу у тебя телефон, планшет и компьютер. И это не шутка и не угроза. Я именно так и сделаю.

Настя скосила глаза.

Ужасно, но мать, кажется, действительно не шутила! Ее собственная мать, рохля, мямля и толстуха, вечная бабкина подпевала и подкаблучница!..

– А я тогда уйду из дома! – Это был пробный шар, и он пролетел мимо лузы.

– Скатертью дорога, – сказала мать. – Восемнадцати тебе еще нет, майор Мишаков моментально тебя найдет и вернет по месту жительства. Возьмет подписку о невыезде. Ты свидетель убийства.

– Хорошо-о-о, – протянула Настя с угрозой в голосе. Раньше такой ее тон всегда действовал на мать. Та пугалась и сразу все разрешала. – А что мне еще запрещается ни с того ни с сего?! Фотки выкладывать нельзя, обсуждать нельзя, что еще?

– Выдумывать, чего не было, – сказала мать. – Вот как ты выдумала про часы.

– Да ничего я не выдумала! – наконец в полный голос заорала Настя. Мать обвинила ее несправедливо! – Часы на самом деле пропали! Что?! Съела?!

– Может, и пропали. Но с чего ты взяла, что Светлану Дольчикову... что Светлана Дольчикова погибла именно из-за них?! Да еще стала излагать свои соображения этому майору?!

– А что?! Нельзя?!

– Нельзя, – отрубилась мать. – Ты должна отвечать на вопросы, если тебе станут их задавать, и говорить только правду. Все свои домыслы ты можешь рассказать мне или бабушке. Мы слушаем.

– Мать, ты че?! Ты совсем, что ли?!

– Тема закрыта, – объявила мать. – Вылезай, приехали.

Оказывается, они и вправду приехали. Дождик прошел, пока ехали, – Настя не заметила никакого дождя! А теперь возле родной калитки с одной выбитой, как зуб, штакетиной стояла большая весенняя лужа.

– Между прочим, – вдруг сказала мать весело, словно они не ругались всю дорогу, – замечено, что весенние лужи отличаются от осенних. Особенно майские. Смотри!

Настя, как дура, уставилась в лужу.

– Осенняя всегда темная, дна не видно, и в ней желтый лист плавает или жухлая трава. А весенняя прозрачная, не стоячая, вода ручейком уходит, и березовые почки нанесло, должно быть, ветер был сильный.

– Тонечка! – прокричали от соседних ворот. – Наше вам! Вы из мегаполиса? Как дорожная обстановочка?.. Здоровье Марины Тимофеевны как?

Мариной Тимофеевной звали Настину бабку.

– Дебил, – сквозь зубы пробормотала Настя и вброд через лужу ушла на участок.

Калитка влажно хлопнула ей вслед.

Этого соседа Настя ненавидела, вот просто – уууух как!.. Вот как ненавидят... врага!.. Он и был враг. Он строил глазки Настинной престарелой матери! Молодой лосяра при всех делах – «лендровер», льняной пиджак, зимой стеганая куртка на клетчатой подкладке, знаем мы эти английские клетчатые подкладки, меховые мокасины, белоснежные рубашки, вечно в солнцезащитных очках, на участке у него красотища, как в журнале «Современная усадьба»!

И вот это чучело позволяло себе кокетничать с матерью, а та велась – противно хохотала, когда он с ней шутил, поводила плечиком, волосы откидывала так и эдак, гадость какая!..

Если б отец был жив!.. Если бы только он был жив!..

Мать с соседом продолжали амурничать у калитки, когда путь Насте преградила бабка-змея. Должно быть, в кустах таилась, поджидала.

– Настя.

Внучка решила ни за что не останавливаться. Она сразу поднимается к себе в комнату и там...

...А что там?.. Даже фотки не выложишь! Совершенно ясно, что мать распоясалась. И совершенно ясно, что если Настя ослушается, ее лишат доступа к мировому разуму, и тогда она погибла! Погибла окончательно и бесповоротно, вот как... Дольчикова!

– Настя.

Внучка круто обернулась.

– Что тебе нужно?

– Я знаю, что произошло, – сказала бабка негромко. – Ужасное несчастье, бедная девочка. Но все-таки скажи мне, как ты ответила? Ты ведь успела... проэкзаменоваться?..

– Успела, – промямлила Настя.

Тут как-то нахлынуло все: и экзамен, и страхи, и точная Настина копия среди поступающих – прямо сестра-близнец, – и лохматый ректор, прервавший ее, как только она начала читать про «скобки года», и «ужасное несчастье с бедной девочкой», и как они сидели на кадке с Даней, а потом в толпе увидели ту самую Милу, а с ней Дольчикову – ведь в ту минуту Насте даже в голову не могло прийти, что знаменитая актриса, худенькая, маленькая, бледненькая девчонка, казавшаяся на экране значительной, высокой и взрослой, доживает свои последние минуты. Их осталось всего ничего.

Вот-вот она распишется в «Тихом Доне» и умчится по лестнице. Там, куда она умчится, кончится ее жизнь.

Навсегда. Насовсем.

...Даня сказал ей что-то о том, что не бывает ромansa о космических кораблях и танках, и вообще романсы бывают исключительно о любви...

...Какая разница, о чем бывают романсы, если кончилась жизнь? Окончательно кончилась! Дождь налил весеннюю лужу, но это уже неважно. Больше нет и не будет луж – ни весенних, ни осенних. Потому что больше не будет жизни!..

Настя ткнула рюкзак на темную скамейку под мокрый куст сирени, сразу же окативший Настину спину ледяными каплями, закрыла лицо руками и зарыдала.

Бабка подошла и обняла.

В бабушкину жилетку какого-то необыкновенного норвежского войлока – он служил поводом для особой гордости, и бабкина гордость за этот норвежский войлок страшно бесила Настю, – она рыдала про

«скобки года» и про то, что жизнь кончилась моментально и навсегда, и еще про свой страх, и про майора Мишакова с его идиотскими подозрениями, и про Даню, с которым ей так и не дали поговорить!.. Ведь ей просто необходимо было поговорить с Даней, а их... разлучили, разлучили.

Бабушка стояла молча, обнимала крепко, чуть-чуть похлопывала по спине.

– ...Главное, она же просто пошла курить! Она так и сказала этой Миле! Или Мила сказала, я не помню, а потом, понимаешь, мы ее увидели, и она так лежала, с пожарной лестницы упала прямо на балкон... А Даня мне велел, чтоб я не смотрела и не подходила! Он как-то сразу сообразил, понимаешь? А я не сообразила!..

– Понимаю, – согласилась бабушка. Полой жилетки норвежского войлока она укрывала трясущуюся внучку, потом сняла жилетку и накинула на нее.

– И часики у нее такие... странные были, на браслете висели, я никогда таких не видела! А потом они пропали!

– Пойдем, – вдруг предложила бабушка. – Я тебе покажу одни. Может, похожи?

Настя кулаками вытерла глаза, из которых все равно лило, и посмотрела на бабушку.

– Что покажешь?

– У меня есть часы, похожие на медальон на браслете, как ты говоришь. Пойдем, я тебе покажу.

Поддерживая друг друга – вернее, бабушка поддерживала и направляла Настю, и еще несла ее рюкзак, – они взобрались на крылечко.

– Настюш! – закричала мать. Оказывается, она не миловалась у калитки с залихватским соседом, а давно была дома! – Иди скорей, ванна наливается!..

Вдвоем с бабушкой они очень ловко раздели Настю, запихнули в ванну, и мать ей еще и голову помыла!..

– Лейся, лейся, водичка, умывай Насте личико, чтобы глазки блестели, чтобы щечки алели, чтоб смеялся роток, чтоб кусался зубок, – приговаривала мать, поливая Настю. – Это такая специальная присказка от сглаза, и когда я тебя маленькую купала...

– Я помню, – пробормотала Настя, уворачиваясь от напористых струй. – Мам, чего ты, я не маленькая давно...

...Но мать все равно вытерла ее – волосы промокнула отдельным полотенцем и до самых кончиков, – велела одеваться и вышла из ванной.

Настя долго вздыхала, жалея себя, а потом стала рассматривать в зеркале собственное лицо – с печатью глубокой тоски.

Тоска на собственном лице показалась ей идиотской и отвратительной.

Какая у нее, Насти Морозовой, может быть вот сейчас, сию минуту тоска?! У нее все в порядке, она дома, и мама вымыла ее душистым мылом, как когда-то в детстве, и бабушка приголубила и пожалела, и они обе рядом с ней, Настей, но самое, самое главное – она жива! Она живет! И можно прямо из ванны побежать рассматривать весеннюю лужу – чем они там отличаются от осенних!..

Прыгая на одной ноге, Настя кое-как натянула джинсы – и их, и футболку мать принесла самые правильные, любимые, сильно ношенные, – и побрела на кухню.

Обе, мать и бабушка, негромко разговаривали и, видимо, о ней, Насте, потому что замолчали, как только она вошла.

Еще утром она затеяла бы скандал. Еще утром она принялась бы выяснять, о чем это они говорят у нее за спиной, наверняка осуждают, да?.. Да?! Насте даже показалось, что и мать, и бабка словно *ожидают* скандала, но она простила их. В эту минуту.

Они же не знают. Они не видели.

Они не могут знать, как это страшно – когда вдруг не стало человека, совсем девочки, которая просто приехала потусить среди абитуриентов, вон даже не накружилась!..

– Ничего, ничего, – сказала бабушка ободряюще.

– Очень жалко, – добавила мать. – И родители! Я даже и не знаю, кто у нее родители, где они...

Настя *и это* пропустила мимо ушей – так на нее подействовала смерть Светланы Дольчиковой! Ну, откуда матери могут быть известны родители Дольчиковой?! Где ее собственная мать и где родители звезды?! В разных галактиках!

Бабушка ловко выставила перед Настей чашку бульона – из чашки торчала бодрая куриная нога, – и блюдо пирожков, крохотных,

горячих!.. Настя, обжигаясь, принялась пить бульон, куриная нога мешала, и пришлось выволочь ее на тарелку, и заедать поочередно пирожками и ногой.

– Боже мой, – пробормотала бабушка.

Мать, пригорюнившись, смотрела, как дочь ест.

Настя допила бульон, вытерла пальцы о джинсы и взяла в каждую руку по пирогу.

– А этот мальчик? – спросила бабушка негромко. – С которым ты была?.. Он из поступающих?

– Да не-ет, я же говорю! Он с другом ходит, просто так. Он в прошлом году поступил... я забыла название... для каких-то африканцев... Он «Тихий Дон» читал, сидел на кадке, а больше сесть было некуда, и я тоже села...

– Позволь, он что же? Африканец?

Тут Настя вспылила – ну что, в конце концов, за тупость, а?!

– Бабуль, какой он африканец?! Институт так называется, не помню!.. Для африканцев!..

– Стран Азии и Африки? – предположила мать, и дочь, запихивая в рот пирожок, согласно замычала – да, да, именно!..

– А мне с ним даже поговорить не дали, – прожевав, выговорила Настя, и слезы вновь хлынули у нее из глаз. – Мам, ну, почему?! Зачем ты меня сразу уволокла-то?! Ну, так нечестно даже!..

– Подожди, подожди, – быстро сказала бабушка. – Давай я тебе чаю налью.

– Пейте сами ваш чай противный!

– Посмотри, такие часы были у... той бедной девочки?..

Бабушка выложила перед ней на скатерть странное украшение. Довольно увесистая цепочка, пожалуй, немного шире обыкновенного браслета, на цепочке овальный медальончик с выпуклой крышкой. На крышке какие-то переплетения и три камушка – два красненьких и один зеленый.

Настя потрогала выпуклую крышку, шмыгнула носом и подняла глаза на бабушку.

– Где ты взяла?.. Ба, где ты их взяла?!

Марина Тимофеевна помолчала немного.

– Ну, не может быть, чтоб *те* были точной копией *этих*. Посмотри внимательно. Возьми! Возьми и посмотри, не бойся!

И они переглянулись с матерью.

Цепочка-браслет оказалась тяжелой и холодной, и медальончик болтался на ней – весьма увесистый.

– Вот так открывается, – и бабушка поддела ногтем крохотный замочек с завитком.

Выпуклая крышка откинулась, тонко прозвенел механизм, и внутри оказались часики – без всякого стекла, ничем не защищенные и от этого странно рельефные стрелочки и циферки.

– Где ты их взяла, ба?!

– Похожи?

– Очень! – сказала Настя, закрыла и опять открыла крышечку. – Только у нее никаких камушков не было и переплетений тоже...

– Какие переплетения! – бабушка забрала у внучки часы-медальончик и стала показывать. – Это монограмма моей бабушки, твоей прапрабабушки Анастасии Павловны Марзуцкой. Видишь, буквы? А, П, М? И в каждую вделан камушек. Замок давно сломан, я все собиралась сделать, да так и не собралась...

– Наверное, придется звонить майору, – ни с того ни с сего сказала мать. – Как это у них называется?.. Примета?..

– Улика! – перебила Настя с возмущением. – Ба, где ты взяла эти часы?!

– Они достались мне по наследству, – насмешливо ответствовала бабушка. – Об этом легко догадаться, потому что раньше они принадлежали моей бабушке, затем моей маме, а теперь мне.

– Кто-нибудь что-нибудь объяснит? – спросила Настя и тяжело задышала. – Хоть кто-нибудь! Хоть что-нибудь!

– Тонечка, налей нам чаю, – распорядилась бабушка. – Этот медальончик переделан из дамских часов девятнадцатого века. Тогда не носили наручных часов. Были длинные цепочки, а сами часы прятались в специальный карманчик на поясе.

– Я видела в сериале «Пуаро», – сердито сказала Настя.

– После революции носить такую длинную золотую цепочку стало уж совсем небезопасно, да и как-то неприлично, кроме того, золото изымали. Если бы ты больше читала, а не только смотрела сериалы, ты бы знала, например, про магазины «Торгсин»...

– Мама, – вмешалась Тонечка, – нам всем хорошо бы побольше читать, а пока ты рассказывай!

И Настя с благодарностью посмотрела на мать. Надо же, заступилась за нее! А то вечно они с бабкой дуют в одну дуду: Настя мало читает, много времени проводит в социальных сетях и прочее трали-вали, как у всех.

У всех молодых проблемы со стариками, вот у всех!.. Только у одной Марьяны мать крутая блогерша и полное единство интересов!..

– Я уверена, что таких переделанных часиков осталось немного, – продолжала бабушка. – Редко кто сдавал в «Торгсин» просто кусок цепочки! Проще сдать вещь целиком, да и выгоднее. Когда ты сказала, что у... бедняжки были часы в виде медальона, висящего на браслете, я сразу вспомнила про свои. Наверное, действительно нужно позвонить майору или кто он там, и показать, какие именно были часы. Вполне возможно, ему это как-то поможет.

– А они что? – с подозрением спросила Настя, отхлебнула чаю и сморщилась – горячо! – Очень дорогие, что ли?..

– Ну, не очень, конечно. На скифскую коллекцию Эрмитажа не потянут, не надейся. – Бабушка обрела всегдашний свой тон, казавшийся внучке насмешливым и холодным. – Но здесь довольно много золота, да и «Брегет» такой давности сам по себе чего-нибудь да стоит, но дело-то не в этом! Дело в том, что у...

– Бедняжки, – подсказала мать, и Настя недоверчиво на нее посмотрела – смеется над бабкой? Неужели?..

Но Марина Тимофеевна не дрогнула.

– У бедняжки они откуда-то взялись, а потом, насколько я поняла, пропали! Я правильно поняла?

– Значит, из-за них ее и убили! – закричала Настя. – Я говорила, говорила!..

– Эксбюз ми, лейдиз, – раздался голос, и все три леди вздрогнули и оглянулись. – Итс ми. Тонечка, ваша машина перегораживает мои ворота!

Мать подскочила и захлопала крыльями, как всколыхнувшаяся кура. Еще бы, такое событие – чучело явилось с соседнего участка! Настя взяла свою кружку и ушла из-за стола в самое дальнее кресло, в эркер, за этажерку.

– Если вы дадите мне ключи, я сам загоню вашу машину. Какая интересная вещица! Что это такое? Медальон?

– Часы, – объяснила Марина Тимофеевна. – Переделанные дамские часы. Когда-то... впрочем, неважно.

– Можно посмотреть?

– Конечно. Хотите чаю?

Насте из-за фикуса было ничегошеньки не видно. Зачем бабка так поставила этот самый фикус да еще этажерку придвинула?! Специально, что ли? Чтобы за всеми шпионить?!

...Шпионить отсюда отлично, только вот не видно ничего!..

– Занятная штука. Ее бы починить, привести в порядок!..

– Да никак не соберусь.

– Мама, я поставлю машину в гараж и вернусь.

– Тонечка, я бы и сам мог!..

– Выпейте лучше чаю, Дмитрий. Я сегодня пекла, угощайтесь.

– Таких пирогов, как у вас, – восторженно выговорило чучело, – я не ел больше нигде!.. Потому что больше нигде таких нет!

...Дебил, подумала Настя под фикусом, идиотина!..

– Как ваша девочка? В театральном институте такое ЧП случилось, весь интернет переполнен сообщениями! И жаль эту артистку... я забыл фамилию...

– Настя держится молодцом, – проинформировала бабушка довольно холодно. – Настя, ты ведь держишься молодцом?

– Да, – мрачно подтвердила Настя из-за фикуса.

– Ты здесь, – удивилось чучело, – а я думал, ушла! Там ведь еще Липницкий каким-то боком причастен. Но про него информация появилась только вначале, а потом сразу все поудаляли, как обычно. Свобода слова!.. Ну, посмотрим, как он станет выкручиваться! Дело-то серьезное, как-никак убийство!

Настя вскочила, задела этажерку, на ней закачалась какая-то фигура, Настя поймала ее и кинула в кресло.

– Липницкий? – выпалила она, подлетев к столу. – А что такое? Мы с ним вместе Дольчикову нашли, на балконе, на четвертом этаже.

– Так об этом и речь, – сказал сосед весело. – Можно еще пирожок, Марина Тимофеевна?.. Липницкий точно замешан, теперь не отмажется! Столько лет сухим из воды выходил, а тут – бац! – и получил по голове! Да еще откуда не ждали, от сыночка-тихушника!

– Кто и от чего не отмажется?!..

Сосед страшно удивился.

– Но ведь... как бы это помягче... эль скандаль вышел с сыночком в главной роли!.. А сын Липницкого вообще никогда ни в каких скандалах замечен не был, можете себе представить? Он, по-моему, даже машину не водит!.. Ему папаша запрещает, должно быть, чтоб он случаем кого не переехал, – и чучельный сосед захохотал.

Бабушка и внучка смотрели на него с одинаковым выражением, одинаково подняв брови. Сосед перестал хохотать.

– Э-э... я что-то не то сказал?

– Объясните нам, в чем дело, Дима.

...Вот это да!.. Вот бы Насте научиться так говорить! Вот бы ей освоить такой тон!.. Главное, ничего и не сказано, подумаешь, но сосед как-то моментально присмирел, утих, прожевал, вытер пальцы салфеткой и заговорил совершенно по-другому.

– Андрей Данилович Липницкий – генерал, сейчас в отставке, но при делах, чего-то там такое возглавляет, как все они, приближенные. Вы что... не слышали о нем? Да он член президентского совета!

– Я слишком далека от Президента и его советов, – проинформировала Марина Тимофеевна. – За их жизнью не слежу.

...Вот молодец бабка!.. Вот умница! Так его, так!.. Мочи соседа!..

– Ну, не может быть, чтоб не слышали, – словно бы даже укорил сосед. – У него единственный сын, этот самый, который сегодня вляпался в скандал на весь мир.

Настя хотела было закричать, что никуда Даня не вляпался, что они просто на кадке сидели, а потом просто пошли по лестнице и просто нашли несчастную Дольчикову, но тут бабка так на нее взглянула, что ничего этого Настя кричать не стала.

Больше того!.. Под скатертью бабушка нашарила Настину руку и энергично пожала.

Настя поняла – это знак молчать!

...Вообще-то она сообразительная.

...Хотя вот ведь не сообразила попросить у Дани телефон.

И – тоже если б вовремя сообразила! – ни за что не стала бы читать тому лохматому ректору про «скобки года».

– ...Жена Липницкого-старшего давно умерла. История темная. На самом деле, блогеры пробовали копать, но так и не раскопали ничего – болела, померла и точка. Сейчас сто процентов заново начнут разбираться, как это так, была жена и вдруг умерла!..

– Бывают болезни, от которых умирают, – заметила Марина Тимофеевна. – Таких болезней довольно много.

– Люди – да, умирают, – согласился сосед убежденно. – Но ведь не жены генералов и начальников управлений!.. В общем, есть сын, совсем мальчишка, лет девятнадцать. Он есть, но его нет нигде, отец прячет, представляете?! То есть вообще нет. Не существует! Призрак!..

– Дима, я машину убрала, можете заезжать, – громко объявила Тонечка, появляясь под лампой. Она улыбалась, на щеках играли ямочки.

Настина мать всегда так улыбалась этому чучелу, всегда!..

– Я не совсем поняла, – Марина Тимофеевна налила Тонечке чаю. – Что значит – призрак? Что значит, не существует?

– Ба, это значит, его нет ни в каких соцсетях, – мрачно проинформировала Настя.

...Интересно, если и вправду нет, как она станет его искать?..

– Да мало этого! – с энтузиазмом подхватил сосед. – Этот сын вообще нигде, никогда и никем не упоминается!.. Должно быть, папаша специальную службу завел, которая отслеживает!.. В сети фотографий нет. Где отдыхает, непонятно. Где учится, никто не знает. Где живет, в Лондоне или, может, в Монако, никаких сведений!.. Где одевается, у каких кутюрье, с кем дружит, спит – не известно ни-че-го! А может, его в подвале держат, этого сына?..

И сосед Дима отправил в рот еще один пирожок.

Настя попыталась вспомнить, во что Даня Липницкий был одет. В какие-то вельветовые штаны, пожалуй. Они были ему великоваты, съезжали, он время от времени поддергивал. Еще... футболка белая... на пузе пятно, он сказал, что мороженое ел и уронил, а сверху рубаша клетчатая накинута. Да, и кеды!.. Синие с белым или красные с синим, что ли.

Дружит с Ромкой, который в прошлом году завалил прослушивания во все театральные вузы. Теперь ходит с ним для моральной поддержки. Настя этого Ромку так и не увидела.

Учится в институте для африканцев. Читает «Тихий Дон».

Вон сколько всего!..

– Даже про подружку никто ничего не знает, – продолжал сосед Дима. – В прошлом году его сфотографировали с какой-то французской моделькой, но тоже непонятно, фейк или нет. Фотки со

всех сайтов тут же удалили. А может, он голубой! Может, отец его поэтому и прячет! У нас, в посконной и домотканой, мировые тренды не в чести, нам танки подавай и «катюши» на Красной площади!..

Все помолчали.

– И вдруг сегодня этот принц китайский, на которого даже смотреть нельзя, оказывается на месте убийства знаменитой артистки... забыл фамилию. И никакой информации! Словно не было его!.. А он точно был и скорее всего замешан! Иначе зачем тогда всю инфу из Сети удалять?..

Настя опять хотела было завопить про кадку, на которой они сидели вместе с «принцем китайским», но бабушкина уверенная рука не дала. Сухие пальцы пожали Настину влажную ладошку, и Настин рот послушно закрылся.

– А может, у него с ней и был роман, с этой артисткой... как же фамилия... и он ее убил... Ну, надоела, он и убил.

– Это вряд ли, – быстро и твердо сказала Марина Тимофеевна. – Уверена, что его отец, если уж он на самом деле такой большой человек, как вы рассказываете, нашел бы другой способ избавить сына от нежелательного знакомства, скажем так.

– А вдруг он псих, этот парень? Может, он и мать того... прикончил?.. Нужно в Сети почитать, что пишут, сегодня только про это убийство и говорят!

– Почитайте, почитайте, – напутствовала Марина Тимофеевна. – А потом нам расскажете!..

Сосед понял, что пришла пора откланяться, мать пошла его провожать, и бабушка с внучкой остались вдвоем.

– Ба, – сказала Настя, помолчав. – Но ведь это все... бред. И вранье!..

– Что именно, Настя?

– Про Даню! Никого он не убивал, мы с ним все время вместе были! Учится он в этой Африке вашей, а не в Лондоне и не в Монако. На футболке пятно, и кеды грязные!..

Бабушка убрала со стола тарелку и чашку соседа.

– Во-первых, мы даже не знаем, о ком идет речь. Ведь это все нам Дима рассказал, а он может... напутать!

– Ничего он не напутал! – перебила Настя. – Там все заметались, когда приехал «сам Липницкий»!

Матери сорок лет – ужасно! Она помнит какие-то дикости, вроде пионерской организации, и что в школу обязательно нужно было таскать учебники и еще бумажный дневник!.. Сейчас, слава богу, дневник электронный. Какое унижение, попрание в правах – бумажный дневник! Мать рассказывала, что туда записывали всякие замечания, например, если она плохо себя вела!.. Разговаривала на уроке или выходила из класса! А бабушка ей потом устраивала выволочки!.. Вот Насте никто не смеет устроить выволочку! Ну... кроме бабушки, пожалуй! Ах, если б отец был жив! Он бы и бабушке не позволил! Бабушка его не особенно любила, кажется. Об этом никогда не говорили, но все же внучка чувствовала что-то такое... словно застарелую обиду или раздражение. Время от времени, довольно часто, Настя доставала книги отца – вот их она перечитала по десять раз каждую! – любовалась, вытирала пыль, вытряхивала и всегда дожидалась момента, когда бабушка Марина Тимофеевна говорила сдержанно:

– Убери выставку, пожалуйста.

Тут Настя давала всем жару.

Она кричала, что без папы жизнь – сплошное мучение. Что в семье был талантливый человек – единственный, – и он единственный, кто смог бы понять свою талантливую дочь. Но его не стало, он ушел, покинул дочь, а мать и бабка совершенно с ней не считаются. Они не пестуют и не растят ее талант. Они не помогают ей ни в чем. Они гиены – да, гиены, которые пристроились возле человеческого жилья и таскают самые сладкие куски, ведь за отцовские книжки до сих пор платят, понемножку, но платят!..

Ни мать, ни бабушка никогда с ней не спорили в такие минуты, и от этого их молчания Настя чувствовала себя отвратительно!..

Мучительно было, что они обе словно... предают отца. Никогда не восхищаются им. Не разделяют Настин восторг. Не говорят о его книгах.

Это же... предательство! Худшее из возможных, потому что человек умер и не может защитить себя.

Его защищала Настя – изо всех сил, как могла. Став постарше, она придумала историю, что они с отцом с другой планеты, из параллельной вселенной. Здесь они оказались случайно, и отец не выдержал испытаний – улетел к себе, туда, где все правильно и

надежно устроено, никто не предъявляет идиотских требований, не высказывает дебильных мыслей! Только зачем, зачем он бросил здесь Настю – одну? Совсем одну?! Как ей биться и сражаться с окружающим миром, если латы и меч так часто ее подводят, отказываются слушаться?.. Она вроде бы и надевает на себя всю необходимую амуницию, как в японском аниме, но дело не идет, никак не идет!

...Нет, мать с бабкой неплохие люди, можно даже сказать – хорошие. Мать добрая. Бабушка... н-да. Ну, бабушка... Нет, она образованная, конечно!.. Иногда приходит на помощь – вот как сегодня, когда Настя хотела пинками выгнать соседа из дома!

...Ну что, бабушка?.. Старая совсем и отца не любила, кажется... Посредственности часто втайне презируют и боятся гениальных и странных людей. Просто от непонимания боятся...

В тишине и темноте своей комнаты Настя немного повздыхала на луну, думая об отце, – как он там, в своем идеальном мире, вот она ему порасскажет, когда они встретятся! – открыла интернет и стала искать Даню.

...Когда она снова взглянула в окно, луны уже не было, свалилась за крышу дома, за голые ветки весенних деревьев.

Никакого Данилы Липницкого в интернете не было. Чучело-сосед врал-врал, а тут не соврал!..

На любые запросы все приложения отвечали одинаково – портретами статного седовласого красавца – вот про кого решительно нельзя было сказать «старик»! – перечислением его должностей, регалий, прежних мест работы, глупейшими фотками, например, с Папой Римским или министром иностранных дел!

...На что они нужны, этот Папа или министр?!

Самые хитроумные заходы тоже не помогали, как Настя ни ухищрялась. Самые продвинутые приложения отзывались все теми же портретами красавца, министрами и вице-премьерами.

Настя порассматривала портреты Даниного отца – ну, очень похож, просто удивительно!..

...Как она теперь найдет сына?.. Господи, у нее мог бы появиться друг, самый настоящий, и она его... проворонила. Как когда-то проворонила отца!..

Настя открыла окно – сразу стало холодно, почти морозно, – раскопала в куче барахла на диване какую-то толстовку, напялила, накинула капюшон и принялась смотреть в темноту.

...Все же, несмотря на глубокое и искреннее отчаяние, она немного видела себя со стороны и даже поправила волосы, чтобы они красиво свешивались из капюшона. Чтоб как в японском аниме.

Она его не найдет, это ясно. Наверняка после всего, что случилось, всеильный отец – загорелое и строгое лицо на мониторе – запретит сыну шататься на прослушивания в театральные вузы. А встретиться на улице или в кафе... надежды нет никакой.

А может, он тоже из параллельной вселенной, этот самый Даня?.. Вдруг он прилетал посмотреть, как здесь идут дела, и уже вернулся обратно? И сейчас, сию минуту рассказывает ее папе, что дочери плохо, страшно, что ей даже не дали прочитать про «скобки года», что ее никто, никто не понимает и ей не с кем поговорить, как хочется – всласть, излить душу, вытащить из себя все самое трудное, не предназначенное для посторонних, что там, внутри, болит и ноет?..

Немного наблюдая за собой со стороны, Настя заплакала перед открытым в ночь окном. Потом забралась под одеяло, в несколько приемов спихнув на пол курган китайского ширпотреба. В ногах лежал плед, аккуратно и красиво сложенный, судя по всему, бабкой. Плед Настя натянула на себя.

За распахнутым окном было тихо-тихо, только потрескивало едва слышно – это лопались почки.

– Я совсем одна, – сказала Настя, и теплая слеза попала ей в рот.

Через три минуты, когда внучка уже крепко спала, в комнату вошла бабушка, закрыла окно, выключила компьютер, сочувственно поцеловала страдальицу и удалилась.

* * *

Тонечке так хотелось есть, что в животе урчало просто неприлично. Очередь к буфетной стойке была длинной и состояла почти из одних мужчин в пиджаках, а тут непристойное урчание, словно тигр рычит поблизости!..

Тонечка выхватила мобильный телефон, прижала к уху и заговорила сразу довольно громко:

– Нет, Кать, я не в офисе, я как раз на выезде. Сегодня совещание назначили, я сразу сюда поехала, а то в жизни бы не добралась!.. Да все нормально, как обычно, времени только много потеряли, но на совещаниях всегда так!..

...Возьму порцию сосисок. Нет, нет, сарделек!.. Сейчас мужик брал, там целых две сардельки!.. И еще горошек и половинка яйца вкрутую, политая майонезом. Еще возьму кофе с молоком и пепси-колу. И, наверное, «наполеон». Или лучше пирожное «картошка»? Да, возьму две «картошки», они в этом буфете сногшибательные!..

...Или лучше сосисок? Что ближе к ЗОЖу, сосиски или сардельки?..

Да ладно!.. ЗОЖ сегодня отдыхает. Сегодня время сарделек!

И еще возьму, пожалуй, бутерброд с копченой колбасой. Очень симпатичные бутерброды.

Рассматривая еду, Тонечка все продолжала нести какую-то ахиною в молчащий телефон, очередь двигалась небыстро, и вдруг ни с того ни с сего телефон зазвонил – прямо ей в барабанную перепонку!..

– Мам, это я, – мрачно сказала дочь. – Я уехала на пробы. Когда буду, не знаю.

– Настя, ты только телефон не выключай, – попросила Тонечка умоляюще.

– Мать, ты че? Совсем? Это же пробы! Про-бы!.. А если телефон зазвонит, когда меня будут снимать?!

Тонечка вздохнула.

...Вот бедолага. Ее единственная, горячо любимая дочь – бедолага и дурачишка. Кто там будет ее снимать? Что за пробы?..

Набрав еды, Тонечка ушла в самый угол – хорошо, что место освободилось, – стряхнула с пластикового стола крошки, расставила все так, чтоб было красиво, полюбовалась, оглянулась воровато, словно подруги по ЗОЖу и тренажерному залу могли сию минуту вбежать в буфет, чтобы осудить ее и отнять еду, и вцепилась зубами в сардельку.

Сарделька брызнула соком, обожгла небо, и это было такое наслаждение!.. Ах, какое это было наслаждение – откусывать от сардельки большие куски, торопливо жевать, обжигаться, утирать рот

дохлой салфеточкой, запивать пепси-колой, вздыхать от счастья и предвкушать еще бутерброд, кофе и пирожное «картошка» – два!..

– Можно к вам? Мест нет совсем.

Тонечка с сарделькой в зубах согласно закивала, потом подняла глаза и...

...Елки-палки, лес густой, ехал Ваня холостой...

– Приятного аппетита.

– А-и-о, – промычала Тонечка с набитым ртом.

...Лучше бы в этот буфет явились разом все ее подружки по ЗОЖу и йоге. И осудили бы ее! И заклеямили!

И отняли бы бутерброд с сырокопченой колбасой и пирожное «картошка». Два.

– Что это вы едите? – спросил присоединившийся с подозрением. – Теперь никто не ест и не пьет!..

– Ну как?.. – проямлила Тонечка и оглянулась по сторонам. Перейти действительно некуда, все занято. – Хочется есть, вот и ем.

– А я, видите, пью! – он выставил на стол полный до краев стакан. Тонечка была уверена, что в стакане чай, – так много налито! – и только когда из стакана выплеснулось на стол, поняла: нет, не чай, виски.

– Помянем? – предложил сосед и вытянул из кармана неровно обломанную шоколадку в изжеванной фольге. – Помянем Светку, несчастную мою девулю!

Одним махом он влил в себя примерно половину стакана. Тонечка смотрела на него. Есть ей расхотелось.

Звали его Василий Филиппов, творческий псевдоним Ваня Сусанин. Он был режиссером, лет двадцать назад довольно модным, снимал мрачное кино, экспериментировал со светом и звуком – черно-белая пленка «с зерном», весь фильм под игру на расческе. О нем много говорили и писали, он «подавал надежды», на фестивале в Квебеке получил приз. Потом куда-то пропал на несколько лет, вроде бы стал дауншифтером и собирал ракушку на кромке прибоя в Гоа, а потом появился вновь. Взял псевдоним Сусанин Ваня и принялся снимать «молодежные комедии». Комедии никуда не годились – на Тонечкин вкус. Иногда у него брали интервью, он говорил, что задача его поколения не отставать от молодых, а опережать их. В каких

именно направлениях Василий собирается опередить молодых, оставалось неясным.

– Убили Светку, – сказал режиссер и всхлипнул. – Девочку мою. Завистники и враги. И ты понимаешь, – тут он схватил Тонечку за запястье, ее рука описала в воздухе полукруг, кусок сардельки свалился с вилки и закатился под соседний стол, – они ведь меня убили! В меня стреляли и попали! Наповал!..

– Разве в Свету Дольчикову стреляли? – дергая руку, чтобы освободиться, тихо спросила Тонечка. – По-моему, все не так было...

– Да что ты знаешь?! – загремел Василий. С соседних столиков на них оглянулись и из-за стойки выглянула буфетчица. – Убили нас обоих! Ее и меня!.. Какая у нас была любовь! Такой сейчас не бывает! А у нас была!

Василий всхлипнул, глаза его налились слезами. Он допил виски, упал головой в локоть, плечи у него затряслись.

– Прошу прощения, Антонина Федоровна, можно вас на минуточку?..

Тонечка подскочила на пластмассовом стуле, словно буфетчица по неловкости плеснула на нее кипятку!..

Телевизионный царь и бог, продюсер всех времен и народов Александр Герман, у которого только что «совещались» десятка два сценаристов, и Тонечка в их числе, протягивал ей руку, словно они были давно и хорошо знакомы, лицо любезное. За его плечом мыкался официант, Тонечка знать не знала, что в этом буфете существуют официанты.

– Я хотел с вами кое-что дообсудить, – продолжал продюсер Герман даже более чем любезно. – Вы разрешите?..

Тонечка закивала.

– Вася, – обратился Герман к рыдающему режиссеру. – Мы отойдем, с твоего разрешения?..

– Выпей со мной, Саша! – попросил режиссер, подняв залитое слезами, мятое лицо. – Выпей за Светку, а?.. Хорошая же была девчонка!

– Вот это все ваше? – негромко спросил продюсер у Тонечки и, повернувшись к официанту, произнес: – Забирайте! Василию Павловичу больше не наливайте. Я сейчас позвоню в свою приемную, чтоб его домой отвезли. Вася! Вась!

– Сашка, какая девочка была! И ее убили! Злодеи, уроды! Любовь убили!.. И меня убьют!..

– Вася, езжай домой. Сейчас за тобой зайдут, и ты давай двигай потихонечку.

– Давай выпьем, Сашка!..

Продюсер Герман потянул Тонечку в сторону. Они зашли за зеленую стену, состоявшую из сдвинутых вплотную фикусов и пальмочек в кадках. Здесь оказался еще один стол, о котором Тонечка тоже не подозревала, как и о существовании официантов. Стол и стулья были деревянные, настоящие.

– Присаживайтесь! – продюсер Герман широким жестом указал на стул, официант проворно составил с подноса всю спасенную Тонечкину еду. – Я только позвоню, чтоб Васю домой отвезли, а то забузит, хлопот не оберемся. – И официанту: – Холодный кофе заберите, принесите горячий. И еще пепси-колы со льдом! – И в трубку: – Дина Евгеньевна! Отправьте кого-нибудь вниз, в буфет, пусть Филиппова домой отвезут. Да, здесь, и не в форме!.. И чтоб прямо до квартиры...

Тонечка наблюдала.

Продюсер говорил негромко и уверенно, видимо, даже не подозревая о том, что кто-то может его послушаться или не выполнить указаний. Нужно особое умение, чтобы так говорить!..

Принесли кофе – над чашками поднимался пар, это указание выполнено, – и продюсер бросил телефон в рюкзак. У него был не портфель, а рюкзак. Должно быть, он тоже «опережал молодых».

– Вы Васю извините, – сказал он, боком подсаживаясь к столу. – Пьет сильно и... не по делу.

Тонечка пожала плечами.

– Да ничего особенного, – промямлила она. – Мне кажется, я его другим никогда и не видела. Можно, я поем?..

Продюсер изумился и словно спохватился:

– Конечно! Я, собственно, и решился подойти потому, что Вася вам есть не давал!..

...Ему на самом деле очень понравилось, как она ест! С таким восторгом и удовольствием. Нынче при еде принято жеманиться и

кокетничать, как в давние времена перед кавалером, а эта просто с удовольствием ела!..

Он глотнул кофе, запил ледяной пепси-колой, быстро взглянул на соседку – она доедала сардельку, – и ему стало неловко.

Да ладно, сказал себе продюсер Герман.

– Я правда хотел еще раз с вами поговорить, – начал он, чтоб неловкость прошла. – Или сейчас не время?

– Самое время! – возразила Тонечка и нацелилась на бутерброд.

...Вот бы рассказать кому, что она обедает за фикусами в обществе самого знаменитого в России продюсера! И он еще с ней разговаривает! Но кому рассказать-то?.. Дочери нельзя. Матери бессмысленно – ее такие истории не интересуют.

Тонечке в голову не приходило стесняться, «держать спину» или как-то «соответствовать»! Этот человек, сидевший напротив, настолько далек от нее, водораздел между ними настолько глубок и широк, что ей не может быть дела до того, что он о ней подумает! Да он и не думает о ней!..

– На совещании было много всего сказано, но мне важно, чтобы героиня – вот эта будущая – все же имела какой-то человеческий облик, понимаете?..

Тонечка закивала, принимаясь за бутерброд. Какая разница, что он там говорит, этот человек из параллельной вселенной?..

– Ну, чтобы у нее были недостатки, проблемы, но не киношные, а как у людей.

Тонечка искоса на него взглянула.

...Да неужели? Великий продюсер хочет, чтобы сценарист написал про людей так, чтобы они были похожи на людей? Вот новости!..

– Александр... – тут она напрочь забыла его отчество, позорище какое!

– Называйте меня Сашей, – ни с того ни с сего брякнул продюсер. – А я вас стану называть Тонечкой. Вас редакторы так называют. Можно?

Вот тут она удивилась. И посмотрела на него. И перестала жевать.

– Можно, – сказала она осторожненько.

...Что, вот прямо так – Саша и Тонечка?!

Вот бы рассказать кому-нибудь!.. Только некому, а тем, кому можно рассказать, нельзя ничего рассказывать!

Продюсер Александр Герман через пять, нет, через три минуты забудет о существовании сценариста Антонины Морозовой!

Тонечка придвинула к себе кофе и тарелочку с пирожными «картошка». Два пирожных!.. И предложила великодушно:

– Хотите?

– Хочу.

Они взяли по «картошке» и откусили.

– Саша, – начала Тонечка, наслаждаясь каждой секундой происходящего. – Всякий раз, когда пишу сценарий, я пытаюсь убедить заказчиков, что люди в кино должны быть похожи на людей, дети на детей, дома на дома, и так далее! И мне еще ни разу не удалось, представляете! А сценариев я написала... много.

– А... что мешает?

Тонечка засмеялась:

– Все в один голос говорят, что вы! Это не понравится Герману, Герман не подпишет такую заявку, под это Герман не даст эфирное время!..

– Ах, вот в чем дело.

– Ну, конечно! – Тут она воодушевилась. – Смотрите. Вот сериал, который на той неделе вышел. Я переписала сценарий двенадцать раз. Двенадцать, Саша, это не шутка!.. И каждый следующий вариант был хуже предыдущего! Я постепенно убрала оттуда все, что делает жизнь... жизнью. Сначала собаку – с ней много возни, ее неохота снимать. Ладно, хорошо, не будет собаки. Потом бабу. Баба старая, некрасивая, никто не хочет смотреть на бабу, а все хотят на молодых. Не стало бабу, шут с ней! Потом осень пришлось переделать в лето, в сериале всегда должно быть лето, никто не хочет смотреть на осень!..

Александр Герман засмеялся.

– А что вы смеетесь? Я не выдумываю! Так и есть!.. Потом начались какие-то проблемы с режиссерами. Мне сто раз сказали, что мой сценарий настолько плох, что его никто не хочет снимать! Наконец-то нашли одного, вроде он согласился. И он переписал сценарий заново. Весь, от начала до конца!.. Он оставил только имена героев, а все остальное... переделал. Закажите мне еще кофе, Саша!

– Да, конечно.

– И все ссылаются на вас! Вы не дадите денег. Вы не дадите время. Вы не подпишете. Вы не разрешите.

– Плохо дело.

– Вот именно!

– Пирожное еще попросить?

– Да. Нет. Вообще-то я на диете.

– А!..

Из-за стены фикусов и пальмочек слышался буфетный гул и какие-то восклицания. Александр Герман раздвинул листья, выглянул и сказал озабоченно:

– Я сейчас вернусь. Только Василия домой снаряжу.

Пока он ходил, Тонечка допила пепси-колу, сыто вздохнула, отряхнула шоколадную пыль с пальцев и крошки с джинсов. В общем, приготовилась.

– Вот что, – сказал Герман, вернувшись. – У меня созрел план. Вы сейчас что собираетесь делать?..

Тонечка уставилась на него. Глаза у нее были круглые, темные. Ему казалось – веселые. Ему вообще казалось, что она какая-то веселая!..

– Я собираюсь поехать на работу и начать писать для вас заявку. Вот эту, про которую сегодня полдня совещались!..

– А вы быстро ее напишете?

– А когда нужно?

Тут он захохотал.

– Вообще-то как обычно – хорошо бы вчера.

– Тогда напишу быстро.

– Нет, не так. Заявку вы начнете писать завтра. А сегодня я вас прошу съездить со мной на «Мосфильм». Там кастинг в большой проект. Я вас прошу посидеть и послушать. Ну, просто послушать, как актеры произносят текст.

– Меня?! Я ничего не понимаю в актерах! И в кастингах!

– Зато в текстах понимаете, – сказал продюсер Герман так, что Тонечка поняла: его нельзя ослушаться или не выполнить указаний. Придется слушаться и выполнять, это как бы компенсация за то, что он с ней разговаривает и даже угощает кофе! – Вы на машине?

– Что вы, нет, конечно! Разве сейчас можно по Москве на машине?! Нигде не проедешь, и час стоянки пятьсот рублей!

– Отлично, поедем на моей. Да что это там Василий все бузит?!

Он оставил на столе деньги – довольно много, Тонечке так показалось, – подхватил свой рюкзак, вырулил из-за фикусов и пальмочек.

Тонечка поспешала за ним.

Режиссер Василий Филиппов вырывался из рук официанта и еще какого-то человека в костюме, которые пытались поднять и увести его. Вырывался он довольно ловко. Со всех сторон, из-за всех столиков на него смотрели, кто-то фотографировал.

Александр Герман подошел, твердо взял горюющего под локоть, рывком поднял и повел. Тот пошел.

– Где машина? – не оглядываясь, спросил он у человека в костюме, рысцой трусившего следом.

– Прямо у входа, Александр Наумович!..

– Нужно было сразу увести, – с досадой говорил на ходу продюсер. – Нет, довели до скандала!..

– Да как его уведешь, Александр Наумович, если он... не идет?

Режиссер Филиппов вдруг вырвал руку, схватил Германа за плечо и сильно притянул к себе.

– Она знала, понимаешь?! – почти крикнул он продюсеру прямо в лицо. – Она все знала! За это и убили! И меня убьют, вот увидишь!

Тонечка насторожила уши и вытянула шею. Даже что-то хрустнуло в позвоночнике, так она сильно вытянула!

– Тише, Вася, – Герман перехватил руку режиссера и опять повел его. – Не кричи.

– Мне нужно... улететь, – заговорил Вася, словно мигом протрезвев. – Куда-нибудь. Неважно. Виза. Не помню, не знаю. Куда можно без визы?

– По-моему, в Казахстан. Или во Вьетнам. Ты бы дома спать лег, Вася. – И человеку в костюме, через плечо: – Костя, проследи, чтоб он лег.

– Во Вьетнам, – продолжал бормотать режиссер. – Это хорошо... это далеко... Они меня там... не найдут? Или найдут? Нашли же Светку? Среди бела дня, среди людей! Убили, сволочи!.. Зоя... Мне нужно к Зое! Она все устроит! Она знает как, она всегда все устраивает! Где телефон, я ей позвоню!

Они миновали охрану, турникеты сами собой открылись, водитель подбежал и распахнул заднюю дверь машины. Вдвоем они затолкали режиссера на сиденье.

– Ты поспи, – сказал Герман серьезно и оглянулся.

На широкое офисное крыльцо высыпали люди, под козырьком, где стояла ощетиленная окурками урна, тоже толпились, и все смотрели и фотографировали на телефоны.

Герман захлопнул дверь машины, кивнул водителю и нырнул в узкую калитку в сплошном заборе. Калитка и забор ограждали крохотный заасфальтированный дворик, где начальство держало свои автомобили.

Тонечка потопталась немного, оглянулась на толпу под козырьком. «Пойду-ка я к метро покамест. Заявку нужно писать, Герман дал мне «особое» задание».

– Антонина Федоровна! – донеслось из-за калитки.

Тонечка была совершенно, то есть абсолютно – аб-со-лют-но, как сказала бы ее дочь, – уверена, что великий продюсер о ней уже позабыл. Несусветные глупости про кастинг она и слушала-то вполуха!..

Он выглянул, лицо недовольное:

– Отстаете!

– Да я вот... очки... искала, – сказала Тонечка первое, что пришло в голову, перебежала газон и перелезла через железную перекладину.

Он поддержал ее под локоть.

Широко шагая недовольными шагами, он словно бы силой доволок ее до машины и приказал:

– Садитесь.

Машина была очень солидной, английской, солидного же английского цвета – какой-то болотной зелени, – и... довольно грязной.

Тонечка аккуратненько поместилась на переднее сиденье, сумку утвердила на коленях. Ей было смешно.

– Без цирковых представлений никак, – процедил Герман, выруливая с тесной стоянки на тесную улицу.

– Да, – спохватилась Тонечка, – о чем он говорил? Вы поняли?..

Тот пожал плечами, что можно было расценить как угодно.

– Вот если б я написала такую сцену, мне бы точно весь сценарий завернули, – сказала Тонечка. – Ну, так не бывает в жизни!.. Чтоб человек бился и кричал, что его вот-вот убьют, и порывался во Вьетнам!.. Это даже не сериал, Александр Наумович! Это голимое «мыло».

– Мыло земляничное, – пробормотал продюсер. – Зовите меня Сашей.

Пришла очередь Тонечки пожимать плечами. Она пожала и на всякий случай согласно кивнула.

– Дело в том, что я там вчера был, – сказал Герман словно с досадой. – В институте, где Дольщикова... погибла. Там приемный тур проводили, абитуриентов полно! Собственно, она со мной приехала. А получилось... что получилось.

Тонечка уставилась на него.

– Моя дочь тоже была. Она познакомилась там с мальчиком, они зачем-то полезли на четвертый этаж и... нашли тело.

– Мне показалось, я вчера вас видел, – сказал Герман задумчиво.

– Я приезжала за Настей. Настя – моя дочь. Что там случилось? Вы знаете?

Он притормозил на светофоре и потер лицо, словно вдруг сильно устал.

– Я не знаю, – сказал он из-за ладоней. – И не хочу об этом говорить, потому что именно я ее туда приволок!.. Если б не приволок, может, ничего бы и не случилось.

«...Ну и дела, – подумала Тонечка. – Может, продюсер Герман страдает, как и режиссер Филиппов?.. Или он тоже оплакивает «несчастную Светку, бедную девулю». Просто не устраивает демонстраций и факельных шествий... Вдруг он ее тоже... любил, а теперь «любовь убили»?..

По долгу службы Тонечка время от времени общалась с артистами и режиссерами и знала, что жизнь у них не простая, как у нее, Тонечки, и большинства других людей, а, напротив, сложная, бурная, неистовая!.. Ну, им так положено, артистам и режиссерам. Чтоб то и дело любви, страсти, скандалы, разводы, папарацци, внебрачные дети, установление отцовства. По-другому им неинтересно и словно нечем заняться.

Впрочем...

Тут она переменяла позу и уставилась в окно.

Ее собственный муж был точно таким же. Он страдал без причины, ревновал без повода, изменял без зазрения совести, скандалил без удержу. «Я же писатель! – кричал он и швырял в Тонечку первым, что подворачивалось под руку. – Мне нужны эмоции! Где я их возьму?! У тебя?! Ты не способна! Ты не можешь! Ты у меня забираешь даже те, что еще есть, последние остатки!»

Эти «последние остатки» Тонечку просто убивали!.. Она и так постоянно чувствовала себя виноватой, а уж когда дело доходило до «последних остатков»!

– Все это очень странно, – вслух сказала она, думая о своем. – Очень странно.

– Согласен.

Тонечка испуганно посмотрела на Германа, словно он прочел ее мысли.

– Нужно Василия расспросить, – продолжал Герман. – Я думаю, он не все подряд выдумывает, хотя кто его знает, конечно!.. И никаким следователям он ничего не расскажет, а мне, может быть, расскажет.

– Зачем вам это?

– Что?

Тонечка сделала неопределенный жест рукой.

– Расспрашивать, выяснять?..

– А... почему нет?

– Потому что человек умер, – сказала она неожиданно резко. – Его больше нет. Вы начнете ворошить его жизнь и мало ли на что наткнетесь!.. А это нельзя, неправильно это!..

– Что... неправильно?

– Делать из смерти шоу!.. Набегут журналисты, блогерши какие-нибудь!.. Она же была популярной артисткой! И так скандал на весь мир, как вчера выразился мой сосед, а если подробности всплывут совсем неприятные, мало ли?.. У нее родители есть?

– Наверняка есть, я не знаю.

– А дети?

– Был муж, – сказал Герман, – это точно, я его даже видел. Но как-то не очень долго он продержался, года два. Потом развод. Ну, а потом романы, конечно.

– Развод, романы, – пробормотала Тонечка. – Она же девочка совсем!

– Ну, не совсем. Тридцать лет стукнуло. В нашем поколении тридцатилетний человек считался окончательно взрослым. Правда, все давно изменилось, конечно.

– Конечно, – согласилась Тонечка несколько язвительно.

...С чего она так... разгорячилась? Что задело ее за живое? Воспоминания о муже? Или мысль о том, что продюсер Герман ничем не отличается от остальных – крутит романы с артистками, до которых ему и дела-то никакого нет, вон даже не знает о родителях?..

– А вам совсем не интересно? – спросил Герман тоже несколько язвительно. – Кто ее убил и за что? И почему Василий Филиппов так перепугался? Вы же сценарист, вас все это должно... возбуждать.

– А, ну вас, – и Тонечка махнула рукой. – Вы ничего не поняли.

– Чего – ничего?

– Придуманная история отличается от настоящей, как... – она поискала сравнение, – ну вот как история Ромео и Джульетты от криминальной сводки о подростковом суициде! Может, мне тоже любопытно, но всех жалко, понимаете? Светлану Дольчикову, ее маму, даже этого вашего Василия! У всех этих людей горе, а нам... любопытно! Свинство же!..

– Не знаю, – сказал Герман. – По-моему, вы слишком усложняете. И как-то сразу начинаете подозревать!

– Кого и в чем? – фыркнула Тонечка.

– Меня в свинстве, – сказал великий продюсер. – Или я опять не прав?

Он был совершенно прав, но не говорить же ему об этом!.. Впрочем, он, кажется, догадался.

...Вот сейчас высадит меня из машины, пронеслось у Тонечки в голове, да еще работу отнимет, закажет заявку другому сценаристу! Ими – нами, сценаристами! – можно не то что пруд запрудить, а целый океан заокеанить!

– Я говорю абстрактно, – моментально заюлила Тонечка, она всегда начинала юлить, когда понимала, что плохо ее дело, – не о вас, а вообще!.. И мне тоже любопытно, я же человек! И страшно люблю сплетни, только не из интернета, где не сплетни, а какое-то безобразие, а из журналов, понимаете? Где человек сам дает интервью, сам про

себя вдохновенно врет, сам верит тому, что говорит! Вот это я всегда читаю, мне для работы нужно!

– Вы оправдываетесь?

Она улыbnулась.

– Пожалуй.

– Оправдания приняты.

Тонечка опять посмотрела в окно.

За окном была Москва, весна, безлюдные парки за заборами. В этой части огромного города все парки были за заборами, и в них никто никогда не гулял – правительственные резиденции или какие-то секретные дачи. И машин мало, хорошо, просторно!..

...Вот если бы не нужно было срочно писать сценарную заявку, затем ехать на «совещание с продюсером», потом переписывать, вновь совещаться и вновь переписывать, Тонечка засела бы на даче. Как прекрасно поздней весной, когда вот-вот все распустится, засесть на даче!.. У нее припасена стопка книг, еще не читанных. Она покупала потихоньку, когда были свободные деньги – книги нынче дороги! – и самое лучшее, интересное оставляла «на отпуск». Вставала бы она поздно, часиков в одиннадцать. Варила бы кофе и делала два бутерброда с колбасой – ну, не готовить же, в самом деле, завтрак для себя одной весной на даче! Не торопясь и не проверяя поминутно телефон, пила бы кофе и смотрела по телевизору про путешествия. По телевизору очень соблазнительно показывают всякие экзотические путешествия – в Манилу, в Сингапур! Потом на террасу, на диванчик – читать. Хоть час, хоть два, пока не устанешь, а затем можно подмести дорожки, помыть самовар – лето впереди, самое «самоварное» время! И чтоб никаких забот – дочь не поступает в театральный, мама не болеет и не иронизирует поминутно, не нужно везти на эвакуаторе в сервис машину, у которой заклинила рулевая рейка!..

– И все-таки с Василием я поговорю. – Голос продюсера прервал ее мечтания. – Что с ним такое, непонятно!.. И родителей вы правильно вспомнили. Позвоню им обязательно.

– Денег нужно, наверное, – тихо сказала Тонечка.

– И это тоже правильная мысль.

Возле проходной «Мосфильма» стояла толпа, вываливалась наружу, не помещаясь в будке. На «Мосфильм» всегда ломился народ, все будущие и настоящие кинематографические звезды.

Машину Германа охранники, видимо, хорошо знали, потому что шлагбаум сразу поднялся. Из будочки выбежал человек в камуфляже, из толпы на тротуаре жадно заглядывали в окна – кто едет, может сам... Петров? Или Иванов? Или – господи помилуй! – даже Сидоров?!

– Здравствуйте, Александр Наумович, – охранник заглянул в боковое окно с опущенным стеклом. – Вы гостью везете? Можно паспорт ваш?

– Да, – спохватилась Тонечка. – Конечно!

Пока он бегал с ее паспортом в будочку, другой обходил машину со всех сторон. В руках у него было круглое зеркало на длинной ручке.

– Они же знают, что вы – это вы, – заметила Тонечка. – И все равно смотрят, не прицеплена ли у вас к днищу мина?..

– Такие правила.

...Понятно, что правила! Дурацкие правила, вот и все.

Паспорт вернули, рукой махнули, автомобиль перевалил «лежачего полицейского», и они покатали по широкой дороге. Газоны зеленели, деревья распускались, тюльпаны цвели.

Хорошо на «Мосфильме»! И Тонечке еще больше захотелось на дачу.

– А фильм о чем? – вздохнув, спросила она.

– А ни о чем, – сказал Герман жестко. – Сейчас сами все поймете.

* * *

– По спискам проходим, активно проходим, кто по спискам! – Зычный голос администраторши перекрывал шум доброй сотни голосов. – Массовка, кто на кастинг сериала «ПТУ», проходим активно!

Настя выглядывала из-за спин и плеч, ее очередь совсем-совсем не двигалась!.. Сейчас зычная администраторша захлопнет свою папку и поведет счастливых вон туда, на кастинг, а она останется с носом, как всегда!

– Девушка, не напирайте! Что вы напираете!

– А вы шевелитесь! – огрызнулась Настя.

– Выискалась! Звезда, блин! Стой спокойно, видишь, сколько народу!

– Кто на кастинг в «ПТУ», двигаемся, двигаемся!
– Я! – неожиданно для себя крикнула Настя во весь голос и залилась краской. На нее оглянулись. – Подождите меня!..
– Здесь все на кастинг!
– Не, мы не в «ПТУ», мы в «Девуцу со станицы»!
– А я в «План Берии»!
– На «План Берии» завтра кастинг!
– Вы че, совсем?..
– Девушка! Девушка, которая в «ПТУ», давайте сюда! Пропустите ее, пропустите, господа!..

Да уж, господа, подумала Настя, изо всех сил работая плечами и локтями. От усилий даже голова вспотела!.. Хоть бы миллиметр в сторону, хоть бы шагочек сделали, чтоб пропустить, – нет, стоят, упыри проклятые, хотя все слышали, что ее вызывают!..

Растрепанная, красная, потная, Настя, наконец, вынырнула перед администраторшей с папкой и прямо ей в лицо крикнула:

– Я! Я на кастинг в «ПТУ»!..

Администраторша окинула ее моментальным недовольным взглядом:

– Записывалась?

– Морозова Анастасия.

Та отлистнула списки, поставила галочку и скомандовала на всю проходную:

– Кто в «ПТУ», по одному через турникет, и ждать меня! Готовим паспорта в раскрытом виде!..

Слава богу, прорвалась! Вот удача!..

Настя выскочила на улицу с той, вожделенной стороны, где уже начиналась другая, вполне кинематографическая жизнь – чистота, красота, просторы и газоны, памятник Шукшину в некотором отдалении. Настя не любила Шукшина и не понимала, за что его можно любить, снимал ерунду, писал скукоту.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, она против солнца осмотрела желтые здания за липами и яблонями, купы пионов, кусты сирени и счастливо вздохнула: отныне и навсегда ее место здесь и только здесь.

Она добьется! Она станет! Она сможет!

Очередь на кастинг в массовку – начало. Когда-нибудь она станет заезжать сюда через шлагбаум, как хозяйка, как королева! Вот как

люди на той огромной зеленой машине, только что перевалившей «лежачего полицейского»! Они не стояли в очереди в проходной, их не отмечали в списках, почтительный охранник сам подбежал, проверил документы, проводил поклонами.

– Массовка «ПТУ» – за мной! Все за мной! Не отставать, ждать никого не буду!..

Мимо грустного Шукшина – вдруг Насте стало его жалко – толпа с администраторшей во главе обошла торец желтого здания, приняла левее. За зданием открылась довольно большая и удивительно пустая стоянка для машин – зеленый «крокодил», которому кланялся охранник, еще пара автомобилей и все. Настя подумала, что это как-то неправильно – такая пустота. А где артисты, звезды? Или у них кастинги бывают в других местах?..

В вестибюле старого здания было прохладно, и гулко отдавались голоса. Администраторша всех пересчитала по головам и куда-то повела широким коридором. По обе стороны коридора были устроены витрины. «Костюм Ю. Яковлева в роли Ивана Грозного, «Иван Васильевич меняет профессию», реж. Л. Гайдай». «Платье Т. Самойловой в роли Белки, «Летят журавли», реж. М. Калатозов».

Настя крутила головой, но рассмотреть, задержаться перед витриной было некогда, администраторша оглядывалась и торопила.

Несколько раз свернули, поднялись по ступенькам, коридор стал поуже и похуже, и никаких витрин, спустились, еще раз повернули.

...Да тут заблудиться раз плюнуть! Настя уже совершенно запуталась!

Еще несколько раз поменяв направление, вышли в просторный холл, заполненный людьми почти так же, как коридоры института в день экзаменационного тура!.. Господи, сколько их тут?! И откуда они все взялись, не было же никого, в коридорах пусто?! Это что, все претенденты на массовку в сериале «ПТУ»?! Настя от растерянности чуть не заплакала. Ничего она не получит, никакого места в массовке! Вон сколько тут девиц и парней, и все примерно одного возраста, и красивые!.. Нужно было сделать контуринг и навести стрелки, но она прочитала в интернете, что на кастинг следует приходить без грима, а то режиссер забракует!..

– Та-ак, массовка «ПТУ» к правой стене! Всем понятно? К правой! Никуда не уходим, ждем, будут вызывать! Туалеты в том

коридоре!

– А буфет? – пискнул какой-то начинающий артист, и администраторша возмутилась.

– Какой еще буфет? Из голодного края, что ли?! Внимание, «ПТУ», никто никуда не разбредается, все ждут с правой стороны!..

Настя проводила администраторшу глазами – высокие павильонные двери закрылись за ней, – и огляделась.

Люди сидели на стульях, на полу, на подоконниках. Какой-то чувак, скрестив ноги, расположился прямо посередине холла. Впрочем, сидели только избранные счастливцы и счастливицы. Остальные – их оказалось куда больше! – стояли, привалившись к стенам. У некоторых в руках были бумажки, они лихорадочно читали, а потом повторяли, закатив глаза. Настя через чье-то плечо попыталась заглянуть в такую бумажку, но не заглянула. Парень заметил ее движение, весь дернулся и быстро отошел, пряча листки.

Настя независимо пожала плечами.

...А вдруг здесь кастинг не только в массовку, но и... на роли? Или так не бывает? Нет, а с другой стороны, что они тогда читают? Наверняка им дали *слова*, то есть счастливцы и счастливицы получают *роль со словами!*

Со словами?!

Настя задышала быстрее. Как бы узнать, у кого узнать? Никто не скажет, здесь все конкуренты, вон как бросился прочь парень, когда она попыталась прочесть!

Эх, нет у нее друга, нет товарища рядом, никто не может ей помочь! Во всей вселенной нет человека, который мог бы помочь!.. Наверное, Даня смог бы, он же ходит с каким-то Ромкой на экзамены, но Даню она потеряла навсегда!..

– Привет, – раздалось у нее за спиной. – Ты сегодня куда пробуешься, в «ПТУ» или в «Севрюжью долю»?

Не веря своим ушам, она оглянулась. Не веря своим глазам, она на секунду зажмурилась.

Но когда она открыла глаза, ничего не изменилось. Данила Липницкий, предмет ее страданий, в клетчатой рубаше поверх футболки, в спадающих брюках и с книжкой в руке, весело ей улыбался.

Словно они и не потеряли друг друга навсегда!

– Это... ты? – пропищала Настя.

Даня оглядел себя – сначала с одного бока, а потом с другого.

– Это я, – сказал он уверенно. – А что такое? Я как-то изменился?

Она немножечко пришла в себя, провела рукой по лбу на манер артистки Эльгизы Тухеровой – та всегда проводила рукой по лбу и словно затуманивалась, когда в кино играла романтическую сцену.

– Я тебя потеряла, – сказала Настя голосом Эльгизы. – Там, в институте...

– Я тебя тоже! – бодро откликнулся Даня. – Папа приехал, и я потом долго на всякие идиотские вопросы отвечал.

– И я! – радостно сказала Настя.

Господи, как прекрасна жизнь!.. Как она... волшебна!

– Ты решил попробовать на роль?

– Да ну-у-у, – Даня засмеялся. – Ромка пробует, он где-то мечется на нервной почве, должно быть, опять в сортире. А я с ним, он один не может, боится. На самом деле я был почти уверен, что встречу тебя здесь.

Он «был почти уверен» – это почти объяснение в любви, решила Настя. Не совсем, но почти!..

Жизнь немедленно стала еще прекрасней.

– Дай мне свой телефон, – распорядилась она, обретая уверенность. – А то мы опять потеряемся.

Он продиктовал, она записала и подумала, что хорошо бы еще на бумажку записать, вдруг с телефоном что-нибудь случится!..

– У тебя есть какая-нибудь бумага? Мне записать нужно!

– Только книжка. Но в книжке записывать не дам! – быстро сказал он, спрятал книгу за спину и опять засмеялся.

Настя посмотрела на него и тоже засмеялась – от счастья.

...Они виделись только вчера, а казалось, это было давным-давно, и она почти забыла, какой он красивый. Как ему идет длинный нос, если только человеку может идти его собственный нос!.. Какие у него брови и волосы, словно немного обрызганные золотом! Какой он высокий, немного сутулый и удивительно... свой. Словно они знакомы давным-давно!

– Так куда ты пробуешься?

– В «ПТУ»! Здесь все в «ПТУ», по-моему.

– А как же «Севрюжья доля»?

– Что ты выдумываешь? – счастливым голосом спросила Настя. – Какая еще «Севрюжья доля»?! Есть «Девушка со станицы», но в нее пробы завтра.

– А ты завтра опять собираешься? – удивился Даня. – Я Ромке, между прочим, сказал, что завтра не пойду ни за что! Я больше не могу. Тут люди в такой истерике!

– Так все роль хотят, – не поняла Настя. – Вон у тех, кто с листками, наверняка эпизоды, видишь?.. Вот бы и мне в эпизод попробоваться! А Ромка в массовку или в эпизод?

– Мы в машине какую-то ерунду учили, – сказал Даня, подумав. – Он был отморозок, а я старушка. Он у меня пенсию отнимал.

– Эпизод! – выдохнула Настя. – Он даже не учится еще, как это ему дали эпизод?!

– Сидеть, между прочим, негде, – продолжал Даня. – И есть очень хочется. А где буфет, я не знаю.

– Нельзя в буфет, ты что?! А вдруг вызовут!

Павильонная дверь распахнулась, все вытянули шеи в ту сторону, и Настя тоже. Даже гул голосов немного утих. В коридор выскочила девушка с двумя подносами, уставленными чашками, бумажными стаканами, блюдцами и тарелками. Попой она толкнула тяжелую створку и, балансируя подносами, как жонглер-эксцентрик, помчалась куда-то. Все расступались перед ней.

– Наверняка она знает, где буфет, – сказал Даня, проводив ее глазами. – Если следовать разумной логике. Чашки и тарелки явно из буфета.

– Мы не пойдем в буфет, – твердо сказала Настя. – Мы будем ждать здесь!

– Такова наша северяня доля, – легко согласился Даня. Он вообще легко соглашался, она уже заметила. И то и дело вставлял «между прочим»!

В коридоре было душно, и казалось, народу все прибывает. У Насти гудели ноги и хотелось сесть, но куда тут сядешь?..

– А что у тебя спрашивал следователь?

– Ну, как все было, – отозвалась Настя, вглядываясь в толпу. Что же их так много?! – Как мы на четвертый этаж пошли, как увидели! Я ему про часы рассказала! У нее часы были в виде медальона, висящего

на браслете, а когда мы ее нашли, часов не оказалось. Слушай, я не могу сейчас про это говорить, я и так нервничаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.